Do Red. „Słowa Polskiego" od autora, Józefa Kuczyńskiego

X. Y. Z.

ПОЛЯКЪ РУССКИМЪ

Немезида.—Крупное недоразумѣніе. — Полемика. — Костелы и церкви въ Холмщинѣ. — Руссификація костела.—Впечатлѣнія.— Смертные грѣхи поляковъ. —Автономія—равноправіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

X. Y. Z.

ПОЛЯКЪ РУССКИМЪ

I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

ОТЪ АВТОРА.

Я полякъ и ничто польское мнѣ не чуждо.

До сихъ поръ существуетъ тенденція предпочитать разговоръ съ тѣми поляками, которымъ многое польское чуждо. Это дѣйствительно упрощало бы польско-русскій вопросъ, но тогда лишь, еслибы онъ фактически превратился въ полупольскій. Между тѣмъ національная связуемость польскаго народа за время репрессіи не расшаталась, а уплотнилась, національное самосознаніе не притупилось, а утончилось до предѣловъ возможнаго, и при любомъ избирательномъ цензѣ представительство Польши будетъ одно и то же: чисто національно-польское. И поэтому равно разговоръ правыхъ, какъ и лѣвыхъ, съ окосмополитившимися міровыми гражданами польскаго происхожденія можетъ быть фономъ развѣ для лубочной декораціи нормировки польско-русскихъ отношеній.

Основная почва, становясь на которую разговоръ русскаго съ полякомъ пріобрѣтаетъ реальную цѣну и могъ бы служить исходной точкой «честныхъ» взаимоотношеній это искренность. Намъ, полякамъ, скрывать нечего и если мы молчали, то лишь потому, что на наши уста на-

ложена была печать молчанія. Ничего нѣтъ фальшивѣе, ничего нѣтъ глупѣе легенды о польскомъ валленродизмѣ. Такого валленродизма, какъ и поляки, вынуждена была придерживаться вся русская интеллигенція, которая должна же была жить, стремиться къ дѣятельности, къ вліянію, независимо отъ условій, въ которыя ставила ее господствующая реакція. Гдѣ бы она ни дѣйствовала, вплоть до нелегализированнаго подполья, въ ея намѣреніяхъ, въ ея дѣятельности нѣтъ ничего таинственнаго, скрытаго. Никогда не могло быть ничего скрытаго и въ дѣйствіяхъ, либо чувствахъ поляковъ, для тѣхъ, кто умѣетъ смотрѣть и ставить себя на мѣсто другого.

Происхожденіе легенды о валленродизмѣ таково.

Въ періодъ, когда вся жизнь русская прикрывалась казеннымъ флагомъ: «все обстоитъ благополучно»,— существовало обязательное толкованіе, что поляковъ угнетаютъ и лишаютъ равноправія во имя блага ихъ и ихъ края, во имя славянофильскихъ идеаловъ и чуть ли не христіанскаго евангелія.

Взамѣнъ требовалось, какъ мѣрила политической благонадежности поляка, смиренной росписки: «всѣмъ доволенъ и премного благодаренъ».

Очевидно, самый дубоватый наблюдатель, сталкиваясь съ полякомъ, легко подмѣчалъ, что онъ далеко не всѣмъ доволенъ и что чувства его менѣе всего совпадаютъ съ офиціальнымъ паспортомъ его благонадежности. И вотъ готовый Валленродъ, т. е. человѣкъ, котораго внутренняя духовная жизнь не пригнана къ внѣшней, офиціальной. Теперь въ рамки такого же валленродизма втискивается и русское, политически сознательное общество. И иначе быть не можетъ. Коль скоро народное русское самосо-

знаніе доросло до требованія обновленія Россіи, то оно не примирится съ тѣмъ, чтобы судьбы и пути этого обновленія находились въ рукахъ реакціи. Такое положеніе ни къ чему иному вести не можетъ, какъ къ длительной анархіи.

Если мы, поляки, это говоримъ прямо, то потому, что не на русской анархіи желаемъ основывать свое благополучіе,—и что нашу автономію, права на которую всякій осмысленный и искренній русскій голосъ отрицать едвали будетъ, мы не желаемъ «урвать», какъ обмолвился одинъ русскій публицистъ, — а вернуть, какъ свое достояніе, отъ котораго мы ни на одинъ мигъ не отказывались.

«Урвать» можно добычу, которая переходитъ изъ рукъ въ руки, а не право на свободную, самобытную, культурную жизнь, которое имѣемъ такъ же, какъ и русскіе, и которое тогда бы только потеряли, еслибы отказались отъ борьбы за него.

Но обоюдное прочное соглашеніе, такое соглашеніе, которое дѣйствительно стало бы благомъ какъ Польши, такъ и Россіи, такое соглашеніе, внѣ котораго немыслима будущность Россіи, какъ славянской державы, и немыслима крѣпость и связуемость Россіи, какъ разноплеменнаго государства, поскольку не считать за крѣпость силу кулака и за связуемость—остріе штыковъ, что въ культурной жизни современнаго государства показатели не крѣпости, а слабости, и не связуемости, а разобщенія,—обоюдное соглашеніе—повторяю—тогда лишь не будетъ фикціей, пустымъ звукомъ, взаимнымъ втираніемъ очковъ, когда послѣдуетъ соглашеніе съ поляками не такими, какими русскіе желаютъ видѣть поляковъ, а такими,

каковы они на самомъ дѣлѣ. Это—опять подчеркиваю—относится какъ къ правымъ, такъ и лѣвымъ. Никакого различія не нахожу между фальсифицированнымъ лойальнымъ полякомъ, котораго выдвигала реакція, а къ которому собственное общество относилось съ брезгливостью, а фильсифицированнымъ польско-еврейскимъ прихвостнемъ русскаго радикализма, къ заимствованному у того же радикализма міровоззрѣнію котораго молодая Россія желала бы деспотически подогнать переустройство польско-русскихъ отношеній.

Нежеланіе проникнуть въ психологію польскаго народа, имѣть дѣло съ польской дѣйствительностью, а не фикціей—я считаю печальнымъ отсутствіемъ государственнаго смысла.

Поясню примѣромъ. Великій польскій писатель, Сенкевичъ, въ извѣстномъ своемъ письмѣ далъ проникновенно вѣрный оттискъ реагированія современнаго чисто польскаго духа на послѣдній ходъ событій въ Польшѣ и на нѣкоторые симптомы русской политической жизни.

Подъ письмомъ Сенкевича каждый полякъ расписался бы обѣими руками. Мы, находящіеся у центра русской жизни, хорошо сознаемъ, что кое-что изъ этой жизни заламывается въ отдаленіи, въ Польшѣ, не подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, подъ какимъ мы это здѣсь наблюдаемъ. Между прочимъ: дѣятельность кадетовъ. Но мы чувствуемъ, что изъ польскаго далёка эта дѣятельность реагируетъ на польскую народную психику такъ именно, какъ высказалъ Сенкевичъ. Нравится ли это партіи—вопросъ особый, но разъ это фактъ—съ нимъ необходимо считаться. Разъ появился документъ, вскрывающій польскую душу, его надо популяризировать, изучить, а

не скомкать и отбросить въ сторону, дѣлать видъ, что его не замѣчаешь и продолжать пользоваться фальсификатами.

Государственная работа это тоже искусство, между тѣмъ вы дѣйствуете, какъ зауряднѣйшіе ремесленники. Иное—поверхностные взгляды, отъ которыхъ удерживаются лишь обрывки человѣческихъ очертаній, впечатлѣніе чего-то незнакомаго и чужого,—и иное прозрѣніе человѣка въ границахъ возможнаго такимъ, каковъ онъ есть, а не такимъ, какимъ мы расположены его видѣть. Вы настоящую Польшу отодвигаете въ сумерки холоднаго вашего равнодушія или уродуете въ искусственномъ освѣщеніи вашего угла зрѣнія. Между тѣмъ именно съ такой Польшей суждено вамъ и вашимъ будущимъ поколѣніямъ имѣть дѣло.

Вамъ не симпатична польская психика, какъ ее вскрываетъ Сенкевичъ? А я утверждаю, что несимпатична лишь до тѣхъ поръ, пока вы ее не пожелаете проникнуть,—утверждаю, очевидно въ томъ предположеніи, что не принадлежите къ категоріи людей, которые на чужую душу хотѣли бы налагать свой штемпель. Вѣдь польскій и русскій народы живутъ въ прямо противоположныхъ условіяхъ національнаго быта и поэтому ихъ духовная жизнь сложилась совершенно разно.

Въ недавнемъ прошломъ далеко не такъ узко, прямолинейно, скажу прямо—нетерпимо, деспотически, смотрѣли на поляковъ передовые, лучшіе русскіе умы. «Поляки намъ простили!»—вырвалось по какому-то поводу въ восторженномъ письмѣ у Герцена. Онъ сознавалъ вину русскихъ передъ поляками, не сваливая эту вину на правительство, на чиновниковъ, которые вѣдь плоть отъ

плоти русской и ничьей другой. И онъ не подумалъ подходить съ аршиномъ русскаго революціонизма къ польской душѣ, которая прошла свою особую Голгофу и почерпала силы у иного, чѣмъ русскіе, источника. Онъ и ему подобные несомнѣнно сознали бы всю возмутительность того, что глашатаями настроеній и стремленій Польши русскіе прогрессивные круги интеллигенціи завѣдомо подбираютъ лицъ, которыя чужды польскому обществу и народу.

Я дѣлаю попытку раскрыть передъ русской мыслью и приблизить къ ней польскую мысль. Я не считаюсь съ какой бы то ни было русской партіей. Польская мысль шире партійныхъ рамокъ и прилаживаться къ нимъ не можетъ.

Имѣю въ виду исключительно польскія дѣла, хотя вскользь касаюсь и русскихъ. Думаю, что полякъ, не принимающій активнаго участія въ русской политической жизни и лишь наблюдающій за нею, могъ бы высказать русскимъ не одну трезвую истину, хотя бы въ виду того, что: «со стороны виднѣе». Но сами русскіе закрыли передъ нимъ возможность этого, втиснувъ свои органы публичнаго слова въ узкія, рѣзко очерченныя рамки партійности. А крупныя доли истины какъ разъ блуждаютъ въ междупартійныхъ промежуткахъ. Это именно заставило меня коснуться въ статьѣ «Немезида» сущности борьбы старой и молодой Россіи, какъ я ее понимаю.

Въ заключеніе скажу, что я намѣренно не смягчалъ подчасъ рѣзкихъ выраженій, такъ какъ трибуны политическаго писателя не желаю низводить на уровень свѣтской гостиной, куда слѣдуетъ являться во фракѣ и бѣ-

лыхъ перчаткахъ и втискивать свою мысль въ шелуху благовоспитанной банальности. Дипломатіи въ польско-русскомъ спорѣ нѣтъ мѣста, какъ суррогату лжи, маскѣ двуличія и источнику недоразумѣній. Все это матеріалъ смуты, а не мира.

X. Y. Z.

22 марта.

НЕМЕЗИДА.

I.

Упроченіе великодержавности Россіи совершенно немыслимо безъ приведенія въ норму отношенія русской власти къ тѣмъ не русскимъ народамъ и племенамъ, которыхъ домъ, земля находятся подъ скипетромъ русскимъ. Иначе предстоитъ неминуемый распадъ, какъ раскололся Римъ, успокоившійся въ сущности на анархическомъ divide et impera, такъ какъ инородный деспотизмъ на почвѣ туземнаго раздора въ конечномъ итогѣ разрѣшается смутой,—какъ распадается Турція, которая пытаясь переварить слишкомъ много чужихъ элементовъ, нажила неизлѣчимый катарръ пищеварительныхъ органовъ—и, какъ слѣдствіе этого—общій упадокъ силъ.

Россія, идя по стопамъ и Рима, и Турціи, въ томъ и другомъ направленіи достигла уже предѣловъ возможной борьбы съ незыблемыми законами природы.

Содѣйствуя и даже создавая антагонизмы отдѣльныхъ племенъ, слоевъ, классовъ населенія,—она тамъ, гдѣ эти антагонизмы имѣли почву, создала очаги глубоко

внѣдрившейся неурядицы, какъ въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ; тамъ же, гдѣ антагонизмы были прививаемы искусственно, какъ въ Польшѣ, сама психика народная выдвинула противъ нихъ естественный противувѣсъ въ такой сплоченности и солидарности всѣхъ сознательныхъ и культурно цѣнныхъ силъ населенія, что результатъ получился обратный ожидаемому: даже въ моментъ, когда казалось стихійный ураганъ охватилъ всю Россію, все въ ней растерялось, разрознилось, началась борьба всѣхъ противъ всѣхъ, Польша выслала въ первое представительное собраніе сплоченныхъ почти до тожества мнѣній представителей своей аристократіи, буржуазіи, крестьянства. Чудесъ не бываетъ и съ увеличительнымъ стекломъ можно и въ Польшѣ доискаться единичныхъ проявленій раскола; но принимая во вниманіе, что вся Польша кишитъ пользующимся здѣсь почти равноправіемъ полутора милліоннымъ еврейскимъ населеніемъ, т. е. находится въ тѣхъ условіяхъ, которыхъ по мнѣнію «истинно русскихъ людей» русскій народъ не выдержалъ бы и попалъ бы чуть ли не буквально въ плѣнъ еврейскій; принимая во вниманіе, что еврейство, какъ всякій народъ, не имѣющій почвы въ родной землѣ, естественно тяготѣетъ къ соціально-космополитическому движенію, которое логически должно дойти до признанія верховенства правъ на землю международнаго индивидуума надъ правами мѣстнаго племени,—и что это еврейство въ Польшѣ ведетъ отчаянную пропаганду космополитизма, вліять же на еврейскіе круги польское общество не имѣетъ средствъ и возможности; принимая во вниманіе наконецъ тщательное до сихъ поръ разобщеніе русской властью дворянства и вообще культурныхъ польскихъ слоевъ съ

польскимъ крестьянствомъ, слѣдуетъ признать, что отвѣтомъ Польши на лукавое divide было проявленіе несокрушимаго духовнаго и національнаго единенія.

Перехожу къ перевариванію, т. е. къ обрусенію, разстроившему до того русскій національный желудокъ, что онъ теперь отказывается функціонировать. Происходило въ этой области нѣчто чудовищное, какія-то извращеннаго свойства каннибальскія манипуляціи. Между тѣмъ обруситель передъ лицомъ родины прикидывался священнодѣйствующимъ подвижникомъ.

Съ точки зрѣнія шире или уже раскрытыхъ челюстей для глотанія онъ измѣрялъ и свои заслуги, и русскій патріотизмъ, и величіе Россіи, и наконецъ такъ сузилъ процессъ мышленія до единственной проторенной дорожки: какъ бы почище ощипать, т. е. обезличить, и какъ бы поосновательнѣе проглотить, т. е. обрусить, что незамѣтно перестал̀ъ реагировать, почти понимать окружающую дѣйствительность.

Кто-то требуетъ, чтобы его не потрошили и не глотали. Этакая несуразная, мятежная постановка вопроса! Требуйте гуманности, но не бунтуйте. Мы охотно готовы нѣжнѣе охватывать васъ пальцами и зажаривать на болѣе тонкомъ соусѣ. Повремените, господа. Дайте срокъ собрать двѣ три комиссіи; если угодно пришлите отъ себя людей свѣдущихъ—и мы сообща обдумаемъ такой утонченный, такой extra цивилизованный процессъ поѣданія васъ, что станете проскальзывать между зубовъ, даже того не замѣчая; ожидаемъ взамѣнъ, что не откажете въ благодарности за братскую любовь къ вамъ и будете идти на сковороду съ блаженной улыбкой довѣрія.

Вѣдь право, логика этихъ господъ дальше не двигается—и какъ ни поворачивай мысль ихъ въ ту сторону, что дѣло здѣсь въ нежеланіи быть съѣденнымъ—въ отвѣтъ уже начинается безсвязный лепетъ или горячечный вопль о неблагодарности, о мятежности, о пригрѣваніи змѣй на русской груди, о камняхъ за пазухой и т. п. И какъ молитва заканчивается словомъ «аминь», такъ этотъ бредъ и этотъ вопль неизмѣнно заканчивается призывомъ: «caveant consules». Караулъ! грабятъ!.. Русское добро въ опасности».

А вѣдь большинство мелкихъ племенъ, подвластныхъ Россіи, съ момента и даже до момента присоединенія къ ней имѣли естественное тяготѣніе къ русской культурѣ и стали было уже растворяться въ ней, пока дѣйствительность не открыла имъ глазъ на то, что надъ ними продѣлывается. Вмѣсто цивилизаторской миссіи, къ которой призвана здѣсь была Россія, организованъ былъ систематическій и неумолимый разгромъ чужого добра не столько матеріальнаго, сколько духовнаго. Добро это было ничтожно, но оно было свое, и когда его попирать и принижать стали на родномъ пепелищѣ, та русская культура, которая издали казалась столь величавой, прекрасной, стала предметомъ ненависти, чѣмъ-то въ родѣ бича Божія. Неси она съ собою, эта русская культура, уваженіе къ чужой рѣчи, чужимъ святынямъ, къ правамъ и обычаямъ чужого дома—неужели, напр. Кавказъ не былъ бы теперь на проторенномъ пути къ полному сліянію? Какой сторицей вознаграждается и какова всамдѣлишная культурно-цивилизаторская работа, указываетъ Литва, Волынь. Украйна, которыя послѣ дѣятельности Чарторійскаго, Чацкаго, призвавшихъ на помощь лучшія ум-

ственно и нравственно силы польскаго народа, дали польскому искусству и наукѣ и продолжают давать до сихъ поръ длинный рядъ первоклассныхъ писателей и дѣятелей, отъ Мицкевича, Словацкаго, Сырокомли, до Монюшко, Семирадскаго, Оженковой. Сколько въ работѣ указанныхъ лицъ чистаго облагораживающаго дыханія любви къ тому меньшему брату, къ тому народу, среди котораго они жили и дѣйствовали, хотя это былъ народъ не польскій, къ его языку, къ его преданіямъ, хотя это языкъ и преданія не польскія. Что взамѣнъ этого можно выжать изъ всѣхъ русскихъ окраинныхъ дѣятелей? Слюну злобы, ядъ желчи, желаніе и умѣніе господствовать, а не работать. Что при подобномъ русскомъ культурномъ активѣ далъ Россіи такой перлъ россійской державы, какъ Кавказъ? что дала Россіи Бессарабія? что дали западныя губерніи? Nomina odiosa. Безнадежно ли, навсегда-ли отпали духовно эти окраины отъ Россіи—разбирать здѣсь не стану. Во всякомъ случаѣ пристегивать ихъ къ государству остріемъ штыковъ это не объединеніе. И стоять надъ ними съ занесеннымъ ножомъ племенныхъ ограниченій и карательныхъ мѣръ это не успокоеніе. Работу придется начать съизнова и начинать будетъ труднѣе, чѣмъ въ моментъ присоединенія этихъ земель къ Россіи. Будущія поколѣнія не скажутъ вамъ спасибо, что вы не только переносите на ихъ спины все, что могли бы и должны бы сами сдѣлать, но въ добавокъ передаете имъ этотъ грузъ въ такомъ ужасномъ видѣ, что чтобы справиться съ нимъ, необходимы пожалуй всѣ качества Геркулеса, Ахилла и Одиссея. Между тѣмъ вы эти будущія поколѣнія изломали, издергали, разбили ихъ вѣру въ васъ, собственной крайней реакціей

на право толкнули, для удержанія равновѣсія народнаго на вѣсахъ исторіи, къ крайней реакціи на лѣво.

Какъ ни какъ фактически на всѣхъ окраинахъ и среди всѣхъ народовъ и племенъ Россіи положеніе таково, что всѣ они теперь стремятся высвободиться изъ-подъ вліянія потерявшей всю притягательную силу русской культуры и создать нѣчто собственное, самобытное, если не свою культуру, то хотя бы суррогатъ ея.

То, сколько у нихъ есть собственнаго культурнаго добра, въ большинствѣ величина очень ничтожная и имъ полный расчетъ путемъ политической или соціальной революціи расчистить почву до чиста, разрушить все старое, чтобы начать стройку отъ фундаментовъ. Поэтому всѣ эти племена естественные союзники русской революціи—и она это знаетъ и широко ихъ использываетъ.

Совершенно въ особыхъ условіяхъ, обособленно, стоитъ польскій народъ со своей культурой, равноцѣнной русской, но старше и выработаннѣе, чѣмъ она. На-лицо слишкомъ много слѣдовъ разрушенія въ области этой культуры временъ вандаловъ руссификаціи—и въ силу уже одного этого всѣ усилія польскаго народа направлены не къ работѣ разрушительной, а наоборотъ—консерваторской. И слѣдовательно онъ естественный союзникъ всякаго государственнаго обновленія, всякаго нравственнаго очищенія, всякаго общественнаго порядка. Но этотъ союзъ не использованъ, какъ использовала свой союзъ революція.

Польша выжидаетъ, обособляясь одинаково отъ анархіи, какъ и отъ существующаго порядка, ограничивающаго ея права и не разстающагося съ пріемами обрусе-

нія. Она сознаетъ, что какіе бы ураганы ни задѣли своимъ крыломъ ея полей, силъ переждать грозу у нея хватитъ. Чегобы ни коснулось разрушеніе, недосягаемы мысль польская, слово польское и вѣра польскаго народа, а на этихъ устояхъ онъ каждый разъ возрождается, какъ фениксъ изъ пепла, неуязвимый, съ удесятеренными силами.

Польша выжидаетъ и ничто другое, какъ историческая Немезида требуетъ отъ Россіи, во имя ея величія, быть можетъ ея дальнѣйшаго существованія, протянуть руку Польшѣ и идти съ ней къ одной цѣли. И, право, въ данномъ случаѣ госпожа Немезида далеко не такъ мстительна и далеко не такъ страшна, какъ бываетъ.

II.

Если бы Немезида была только пугаломъ для взрослыхъ дѣтей, или поэтической метафорой, не была бы неизбѣжностью, то ее слѣдовало бы упоминать развѣ упражняясь въ митинговомъ краснорѣчіи. Но я на нее смотрю, какъ на неизбѣжный моментъ ликвидаціи всякой разрушительной работы, отдѣльной ли личности, цѣлаго ли общественнаго слоя, класса, или наконецъ народа.

Такимъ образомъ нахожу въ ней руководящую, планомѣрную нить, непосредственно исходящую изъ цѣлаго комплекса явленій.

Моментъ ликвидаціи всякой разрушительной работы неизбѣженъ, такъ какъ въ мірѣ всегда, въ конечномъ итогѣ, торжествуетъ работа созидательная, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ смыслѣ. Будь иначе, мы бы не выбрались изъ хаоса и не шли бы впередъ. Представленіе о необходимости ликвидаціи разрушительнаго начала, гдѣ бы таковое ни проявилось, такъ намъ присуще, что не замѣчая часто этого процесса передъ глазами, мы переносимъ его, какъ неизбѣжный рокъ, на загробную жизнь.

Мы здѣсь просто близоруки, такъ какъ высшая справедливость творится тутъ же на землѣ, творится быть можетъ не такъ, какъ субъективно каждый изъ насъ ее понимаетъ, но такъ, какъ того требуютъ незыблемые творческіе законы природы. Если отдѣльный человѣкъ, творя зло, повидимому торжествуетъ, то не иначе, какъ цѣною атрофіи духовнаго своего начала, низведеніемъ жизни до низшаго уровня,—и счастіе его не будетъ счастіемъ никого изъ тѣхъ, кто чувствуетъ въ себѣ и требуетъ отъ міра всей полноты жизни. Слѣдовательно, достаточно отрѣшиться отъ точки зрѣнія животной сытости, борющейся за наиболѣе жирную кость, чтобы въ матеріальномъ благодушіи творящаго зла мы видѣли не завидную награду, а лишь такую не стоющую вниманія частность, какъ благодушіе объѣдающейся помоями свиньи.

Міръ съ того момента, какъ поборолъ хаосъ, и потому, что поборолъ хаосъ, сталъ творить справедливость, и тѣмъ полнѣе, чѣмъ совершеннѣе формы жизни. Если бываютъ исключенія даже по отношенію къ человѣку, то вѣдь не такое онъ сокровище, чтобы эти исключенія вопіяли о попраніи добра.

Такимъ образомъ я утверждаю, что-то, что болѣе всего смущаетъ борющійся за правду человѣческій духъ: торжество зла и попраніе добра, не существуетъ, такъ какъ естественно завершается ликвидаціей въ пользу справедливости. Утверждаю, что если мы этого не видимъ, то потому, что стремимся приладить справедливость къ точкѣ зрѣнія животнаго эгоизма, а во всей вселенной нѣтъ начала, которое къ этой точкѣ зрѣнія подогнало бы законы природы, неуклонно вершающіе судъ и расправу.

Я сказалъ, что чѣмъ формы жизни совершеннѣе, тѣмъ справедливость вершится полнѣе. По отношенію къ людямъ бываютъ исключенія, что понятно, разъ человѣкъ въ состояніи понизиться до уровня животнаго. Но народъ въ своемъ собирательномъ цѣломъ—организмъ болѣе совершенный, такъ какъ его дѣятельность неизбѣжно поднимается выше функцій животныхъ, а и въ эти послѣднія влагаетъ духовное содержимое. И поэтому ложный путь народа неизмѣнно влечетъ за собою историческое возмездіе.

Не буду въ настоящей статьѣ разсматривать подъ этимъ угломъ совершающагося теперь въ Россіи. Ограничусь частностью: отношеніемъ ея къ Польшѣ, указаніемъ на то, что фактически установленное отношеніе русской власти къ полякамъ никакихъ положительныхъ послѣдствій имѣть не могло и неотвратимо въ тотъ или иной моментъ должно завершиться ликвидаціей, разложеніемъ воздвигаемой стройки.

Польша руссифицировалась. Былъ созданъ планъ математически точный, разработанный до мельчайшихъ подробностей, выполняемый безъ уклоненій въ предѣлахъ человѣческой возможности.

Веревка, имѣющая обрывать болѣзненной конвульсіей всякое дыханіе польской жизни, затягивалась постепенно, методически, съ холоднымъ жестокосердіемъ палача. Дошли до того, что для костеловъ издавали русскіе молитвенники, насъ, учениковъ гимназіи католиковъ, гоняли въ церковь, запрещали говорить по-польски брату съ братомъ, величайшимъ преступленіемъ считали чтеніе нами польской книги, на мѣста ксендзовъ насильно сажали отъявленныхъ мошенниковъ и разврат-

никовъ, презираемыхъ населеніемъ, преслѣдовали громкій звукъ польской рѣчи не только во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, но даже въ комнатахъ закрытыхъ. Когда я 5-ти лѣтъ, въ одной изъ виленскихъ гостинницъ, сталъ на колѣни передъ сномъ и началъ, за матерью, повторять слова молитвы, вошелъ жандармъ и грозно заявилъ: «здѣсь запрещается говорить по-польски». Въ моихъ воспоминаніяхъ дѣтства живо стоитъ это погромное поле, въ которое превращены были еще недавно всѣ польскія земли.

Дѣло наладилось, результаты уже были на-лицо. Можно было взять въ руки карандашъ и подводить итоги. Такого-то года приняло православіе 500 поляковъ, а спустя пять лѣтъ 1500. Если считать приростъ отъ смѣшанныхъ браковъ, если принимать во вниманіе полуобрусившихся и подготовляемыхъ къ обрусенію, то было очевидно, что лавина должна наростать въ прогрессирующей пропорціи. Начали уже точно высчитывать (помню газетный фельетонъ въ этомъ родѣ), что такого-то года поляки станутъ полуполяками, такого-то года превратятся въ русскихъ польскаго происхожденія, а такого-то—углубятся въ этнографическія изысканія (въ pendent «Варшавскому Дневнику», открывшему Забужскую Русь),—для того, чтобы обнаружить съ гордостью, что они въ сущности всегда были русскими обитателями временно ополяченной и окатоличенной Привислинской Руси.

Дѣло наладилось, результаты били на-лицо, а между тѣмъ чувство неудовлетворенности, сознаніе, что нѣчто существенное портитъ всю работу—все болѣе проникало въ ряды побѣдителей.

Обрусеніе, насильное отторженіе отъ вѣры отцовъ въ сущности сводилось къ тщательному отбиранію плевелъ

польскаго народа, и какъ слѣдствіе: къ уплотненію, къ увеличенію вѣсомости его чистаго зерна. Чужая космополитическая муть, вливаясь въ русскій организмъ, разжижала его и отравляла. Умноженіе національнаго добра пошло буквально по той тропѣ, какою шелъ, умножая свое добро, Плюшкинъ. Росли и ширились амбары, росло и ширилось гніеніе содержимаго въ нихъ.

Пояснимъ вышесказанное примѣромъ. Допустимъ, что въ такой-то губерніи въ теченіи десяти лѣтъ число поляковъ или католиковъ убавилось, не смотря на естественный приростъ, на 2%, число же русскихъ или православныхъ увеличилось на 25%. Такъ говорили мертвыя цифры на бумагѣ. Дѣйствительность же давала слѣдующій комментарій къ нимъ.

Поляки въ графѣ поляковъ и католики въ графѣ католиковъ это были воистину только поляки и только католики, готовые за народность свою, за вѣру свою даже на подвигъ мученичества. Но русскіе въ графѣ русскихъ это былъ сбродъ двунадесяти племенъ, разрозненныхъ по своему духу и объединяемыхъ лишь перомъ статистическаго счетчика. Были такіе факты. Счетчикъ спрашиваетъ поляка интеллигента: вы какой народности?—Отвѣтъ: польской. Счетчикъ записываетъ: «русскій». «Я полякъ»—протестуетъ интеллигентъ. «Какой вы полякъ, если у васъ фамилія не чисто польская»,—отвѣчаетъ уходя счетчикъ. Съ неинтеллигентами, очевидно, еще менѣе церемонились.

Такъ именно создавалось русское населеніе сѣверо- и юго-западныхъ городовъ. «Въ видахъ правительства,—говорилъ Оржевскій,—чтобы поляковъ было показано какъ можно меньше».

Они ли виноваты, что ихъ теперь оказывается больше?

Въ графѣ православныхъ, кое-гдѣ, какъ обнаружилось послѣ указа о вѣротерпимости, было занесено въ пятьдесятъ разъ болѣе католиковъ, т. е. слившихся съ католицизмомъ при первой возможности, нежели перешло ихъ изъ католичества въ православіе, и въ десять разъ болѣе сектантовъ, нежели возвратили ихъ церкви миссіонеры. Очевидно, на отбираніи плевелъ нельзя было строить никакихъ прогрессій руссификаціи, тѣмъ болѣе, что даже такой фиктивный, временный относительный убытокъ съ избыткомъ пополнялся естественнымъ приростомъ,—и чтобы удерживаться на уровнѣ «видовъ правительства» приходилось то и дѣло прибѣгать къ простой фальсификаціи.

Чѣмъ дольше продолжалась бы эта декорація насажденія русскаго духа, тѣмъ разочарованіе было бы крупнѣе. Какъ никакъ онъ лишь тамъ есть, гдѣ есть, а не тамъ, гдѣ долженъ быть по теоріи руссификаторовъ. Наивны упреки полонизму и католицизму, что русскій духъ порабощается ими тамъ, гдѣ была развѣ только его декорація, удерживающаяся на остріѣ ограниченій и запрещеній. Культура, могущая вырости на этой почвѣ, не удовлетворила бы даже готентотовъ; и не удивительно, что первый свободно прорвавшійся проблескъ настоящей культуры отодвинулъ поддѣлку ея въ тѣнь.

Допустимъ однако невозможное, допустимъ, что планъ руссификаціи прекрасенъ и осуществимъ, дѣло лишь въ томъ, чтобы въ теченіи какой-нибудь сотни или двухсотъ лѣтъ неуклонно проводить его.

Но во-первыхъ это не ново. Неуклонно германизировали нѣмцы чеховъ, турки славянъ. Не смотря, однако,

на то, что у этихъ народовъ національная культура находилась въ зачаточномъ состояніи, что о борьбѣ такой, къ которой способенъ польскій народъ, обладающій всѣмъ, что нужно для полноты самостоятельной духовной жизни,—тамъ не могло быть рѣчи,—достаточно оказалось нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, чтобы возстановить то, на разрушеніе чего потребовалось нѣсколько столѣтій. Словомъ, разрушаемое національное добро возстановляется по крайней мѣрѣ въ десять кратъ быстрѣе того, какъ разрушается. Между тѣмъ, при современномъ уровнѣ культурной жизни человѣчества, допустить возможность непрерывнаго господства реакціонной политики хотя бы въ теченіи ста лѣтъ—это несбыточная фантазія.

Прежде всего это значитъ, что систематически отсѣивается и выбрасывается за бортъ, по ту сторону законности, все наиболѣе цѣнное въ культурномъ, наиболѣе чуткое въ нравственномъ отношеніи. Какой народъ выдержитъ столь продолжительное кровопусканіе, удаленіе изо дня въ день изъ своихъ жилъ наиболѣе чистой и здоровой крови? Изъ могучаго богатыря онъ превратится въ руину, въ мумію,—и вмѣсто намѣченнаго претворенія поляковъ въ русскихъ будетъ лишь въ силахъ отравлять ихъ своимъ старческимъ ядомъ. И такъ какъ, захвативъ въ свои цѣпкія сѣти уже первые элементы разложенія, жизнь начинаетъ на мѣсто разрушающихся создавать и подготовлять новыя формы бытія, то подъ твердѣющей пустой скорлупой стараго государственнаго строя уже начнетъ бурлить, хотя бы подземными жилами, буйная вольница ярко космополитической окраски, которая чѣмъ позже прорвется, тѣмъ ожесточеннѣе станетъ вытравлять самое понятіе национализма, народности, какъ

кошмаръ, какъ проклятіе прошлаго. Такая перспектива, такая зараза опаснѣе полякамъ руссификаціи—и несомнѣнно много можетъ внести въ ихъ жизнь разрушенія, но прежній національный гнетъ сослужитъ въ подобномъ случаѣ для насъ добрую службу, такъ какъ поддержалъ неугасаемымъ огонь національнаго самосознанія.

Такимъ образомъ сто лѣтъ реакціи разложатъ Россію, какъ національность, поляковъ же, быть можетъ, обезсилятъ, но не уничтожатъ.

А что обрусеніе поляковъ можетъ быть дѣломъ лишь самой мрачной реакціи, ослѣпленной въ своей изувѣрской работѣ до того, что не замѣчаетъ, какъ въ жертву ей заграждается путь къ исторической славянской миссіи Россіи, подтачивается самая ея великодержавность—это указываютъ предъидущія строки. Приметъ ли реакція тотъ или иной флагъ, напр. въ данный моментъ флагъ «истинно-русскій» или «союза 17 октября—безразлично. То и другое тожественно по духу, и если можетъ быть рѣчь о преимуществахъ, то крупное преимущество искренности несомнѣнно не на сторонѣ г. Гучкова, возмнившаго, что можно создать иллюзію одновременнаго движенія впередъ и назадъ.

Итакъ, если послѣднее, не болѣе какъ 25-лѣтнее непрерывное господство реакціи способно было привести Россію къ краю гибели, то можно вообразить, во что бы она превратилась, продолжайся реакція сто лѣтъ, необходимыхъ, по мнѣнію руссификаторовъ, для обрусенія поляковъ. Если же реакція будетъ съ перерывами, то, какъ я сказалъ, достаточно годъ-два передышки, чтобы возстановить то національное польское добро, на разрушеніе котораго пошло лѣтъ двадцать-тридцать.

Словомъ, такъ или иначе—обрусеніе Польши есть полный абсурдъ. Я могъ бы на этомъ остановиться и такъ какъ очевидно, что ликвидація отношеній польско-русскихъ, построенныхъ на денаціонализаціи поляковъ —есть то неизбѣжное, изъ котораго исходитъ историческая Немезида, — перейти къ выясненію, на какой почвѣ и какъ ей суждено дѣйствовать. Ея удары были бы несомнѣнно также жестоки для Россіи, какъ жестоко было бремя гнетущее Польшу. Но къ счастью, какъ теперь очевидно, въ мученичествѣ Польши не повиненъ ни русскій народъ, ни русская культура, а лишь суррогаты того и другого. Всякій сознательный, культурный русскій всегда чувствовалъ себя глубоко виноватымъ передъ Польшей и этимъ сознаніемъ проникнута была, до земскихъ съѣздовъ включительно, вся русская независимая мысль и дѣятельность. И поэтому возмездіе не можетъ коснуться чистаго ядра русскаго народа, а лишь того, что одинаково угнетаетъ и его и поляковъ.

Но раньше, чѣмъ перейти къ ликвидаціи, я хотѣлъ бы прочнѣе обосновать и выяснить вопросъ о правѣ и возможности каждаго народа расширять предѣлы господства своего языка и культуры. Такъ поставленный вопросъ обыкновенно затемняется національнымъ эгоизмомъ любого народа, будь то русскій, польскій, или другой—и изъ этого узкаго, мрачнаго угла субъективныхъ эгоизмовъ его необходимо вывести на свѣтъ и просторъ. Попытаюсь это сдѣлать. Попытаюсь, жертвуя цѣльностью статьи, повторить сказанное въ предыдущихъ главахъ въ переводѣ на языкъ законовъ природы и въ примѣненіи къ дѣйствительности переживаемаго историческаго момента.

III.

Въ дѣтствѣ мы всегда становимся на сторону матери въ ея отношеніяхъ и столкновеніяхъ съ чужими людьми и съ жизнью. Она всегда права;—тѣ, противъ которыхъ она ведетъ борьбу—не правы и заслуживаютъ той судьбы, которую она имъ уготовляетъ. Таковъ патріотизмъ первичной, національно объединенной народной массы. Имъ одухотворяется и въ борьбѣ за существованіе мужаетъ государственный организмъ.

Но со-временемъ, когда пробуждается самосознаніе, устанавливается критическая мысль и углубляется нравственное чувство, мы уже желаемъ видѣть свою мать не только физически здоровой и крѣпкой, но и духовно чистой, желаемъ, чтобы подвластные ей чужіе не тяготились ею и не проклинали. Такъ перебрасывается къ новому источнику, возрождается и очищается въ немъ патріотизмъ народа, который изъ борьбы за существованіе вышелъ побѣдителемъ и матеріальную цѣнность и крѣпость своей государственности стремится гармонизировать съ цѣнностью и крѣпостью духовной.

Моментъ перелома не всегда протекаетъ легко и просто. Могущественная и опьяненная кровавой добычей мать-родина всегда имѣетъ достаточно дѣтей, которыя

возможность использованія физическаго перевѣса, возможность обогащенія за счетъ другихъ возносятъ на уровень культа, раздвигая все болѣе идеалъ господства и поглощенія чужого добра.

Мы господствуемъ надъ шестою частью міра, отчего бы не господствовать надъ его третью? Когда подчинимъ себѣ треть міра, станемъ стремиться къ господству надъ половиной, наконецъ надъ цѣлымъ міромъ. Вѣдь это кажется вполнѣ достижимо, лишь бы окрѣпнуть въ такую силу, которой никакая другая не въ состояніи дать отпора. А потомъ это уже только вопросъ времени.

Прошла четверть столѣтія, какъ Россію опредѣленно толкнули въ этомъ направленіи и стали работать въ этомъ духѣ. Логика казалось была въ порядкѣ. Чѣмъ отвѣтила дѣйствительность?

Внутри государства—какъ я раньше указалъ—полнымъ разобщеніемъ всѣхъ безъ исключенія окраинъ, даже такихъ (напр. Грузія), которыя сливались было едва ли не добровольно не только съ Русскимъ государствомъ, но и съ русскимъ патріотизмомъ.

Во внѣшней политикѣ это направленіе воздвигло стѣны именно тамъ, гдѣ Россія намѣревалась шириться и стремилась было разрушать даже хрупкіе заборы, стоящіе этому на пути. Если въ настоящее время то или другое славянское зарубежное племя изъ-за дипломатическихъ расчетовъ вздумаетъ улыбнуться въ сторону Россіи, то стоитъ этой послѣдней сдѣлать малѣйшій жестъ захватнаго свойства, какъ у всякаго прорывается наружу страхъ за цѣлость своего достоянія, неустранимое недовѣріе, лихорадочная дѣятельность въ пользу отмежеванія себя отъ возможности русскаго вліянія. Узелъ славян-

скаго объединенія, который сама исторія отдала въ руки Россіи, выскальзываетъ изъ этихъ рукъ до того, что нѣкоторыя славянскія племена начинаютъ свыкаться съ мыслью, что онъ перейдетъ въ руки Австріи, и сообразно этому незамѣтно начинаетъ перерождаться и формироваться на новый ладъ ихъ національная мысль. Это ли не пораженіе, пораженіе преступное передъ лицомъ собственной родины, позорное передъ лицомъ славянства.

Такъ стихійно выростаетъ преграда ширенію Россіи на западъ съ того момента, какъ она это ширеніе поняла въ смыслѣ господства, а не свободнаго объединенія, въ смыслѣ «Россіи для русскихъ»,—что̀ бы ни было включено подъ собирательный флагъ Россіи,—Польша ли, Балканскій ли полуостровъ, западное ли славянство

Итакъ, дѣйствительность опровергла логику захватнаго національизма. Очевидно здѣсь нѣчто противорѣчило реальнымъ законамъ природы.

Прежде всего противорѣчило имъ подчеркнутое уже мною стремленіе переварить болѣе, чѣмъ выдерживаетъ желудокъ, инородныхъ элементовъ. Существуетъ нормальный предѣлъ энергіи желудочныхъ соковъ, наконецъ не все, что попало въ руки, переваримо. Если Германія не переварила польской Силезіи въ теченіи 500 лѣтъ владычества, то это очевиднѣйшій примѣръ, что Польша непереварима. И именно, принявшись переваривать Польшу, Россія безнадежно испортила желудокъ. Существуй до сихъ поръ непрерывно польская автономія, могло бы быть иначе.

Затѣмъ—существуетъ полная антитеза между логикой объединенія культуръ, языковъ, религій, и законами міровой жизни, которой суть и смыслъ въ разнообразіи.

Ни въ одномъ направленіи—это разнообразіе и неравенство далѣе извѣстнаго ограниченнаго предѣла не могутъ быть нарушены въ пользу однообразія и равенства.

Всякій народъ, который дерзко переступалъ естественный свой предѣлъ, тѣмъ или инымъ путемъ разлагался, какъ Персія, какъ Римская Имперія, обѣ достигшія въ свое время относительно гораздо бо́льшаго могущества, чѣмъ достигла Россія. Если очевидная утопія—равенство соціальное, которое имѣетъ какъ ни-какъ этическое оправданіе и которое наклоняло бы лишь головы, поднимающіяся выше уровня, а слѣдовательно умы, энергіи меньшинства нивелировало бы до уровня большинства, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ считать утопіей приведеніе къ одному знаменателю политическое и національное народовъ, что однозначуще со стремленіемъ къ ихъ одряхлѣнію, путемъ атрофіи наиболѣе благородныхъ формъ борьбы за существованіе и наиболѣе плодотворной конкуренціи—культурной.

Міръ началъ жить съ того момента, когда пересилилъ однообразіе хаоса; міръ перестанетъ жить, лишь только погрузится въ хаосъ однообразія. Можетъ это показаться софизмомъ, но одна вѣра—никакая вѣра, такъ какъ всѣ люди одинаково вѣрить не могутъ, могутъ лишь оскотинившись одинаково не вѣрить; одинъ языкъ—это никакой языкъ, такъ какъ всѣ люди одинаково говорить не могутъ; могутъ лишь одинаково молчать.

Всесвѣтное господство какой бы то ни было вѣры повело бы насъ вспять къ первобытному отсутствію всякой вѣры, насколько человѣчество одряхлѣло бы, и къ исканіямъ, сообразно духовнымъ настроеніямъ, новыхъ божественныхъ откровеній, насколько нашло бы въ себѣ силы

къ духовному возрожденію. Всесвѣтное господство какого бы то ни было языка вело бы къ извращенію, опошленію и увяданію этого языка. Онъ пересталъ бы совершенствоваться художественно, а началъ бы перерабатываться антихудожественно, какъ общее утилитарное средство къ пониманію другъ друга. И опять, насколько человѣчество не попало бы въ состояніе старческой немощи, на клавіатюрѣ его чувствъ, его страданій, стали бы воскресать давно замолкшія, погруженныя въ летаргію гармоніи и созвучія, стала бы создаваться тысяча новыхъ языковъ, говоровъ, нарѣчій.

Развѣ мы не чувствуемъ и не видимъ, какъ человѣческій инстинктъ самосохраненія борется противъ убійственнаго призрака однообразія рѣчи? Всѣ говоры и нарѣчія, полуумерніія, полуокостенѣвшія, просыпаются и вопіютъ о жизни. Отъ равнинъ Провансаліи до горъ Кавказа начинаютъ гулко шириться звуки нарѣчій, казалось бы навсегда придавленныхъ и обезпложенныхъ.

Такъ нерушимый законъ природы возстановляетъ разнообразіе въ области рѣчи, нарушенное гегемоніей нѣсколькихъ языковъ. Неестественное ихъ распространеніе уже сопровождается убійствомъ человѣческаго генія, такъ какъ всякій языкъ можетъ его вызвать къ жизни лишь въ опредѣленныхъ этнографически границахъ. Возможны, но рѣдкія отступленія отъ этого.

Англійскій языкъ далъ Англіи не только Байрона, но и Милля и Спенсера; что далъ во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ, гдѣ господствуетъ? какой далъ уровень литературѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, которые, имѣй выросшій изъ мѣстной почвы родной языкъ, несомнѣнно соткали ли бы изъ него крылья къ полетамъ на родное

небо, и нашли бы въ немъ достаточно огня для согрѣванія родной земли,—перенявъ же чужой языкъ, опошлили его и затаскали на услугахъ утилитарнаго свойства. Что далъ языкъ французскій, испанскій, въ метрополіяхъ и что въ колоніяхъ? Что наконецъ далъ языкъ русскій въ Россіи и что въ Сибири? Даже не уберегъ эту послѣднюю отъ сепаратистическихъ стремленій, не пропиталъ великорусскими идеалами.

Развѣ естественно, что на пространствѣ большемъ, чѣмъ вся Европа, какая-то роковая немощь сдавливаетъ мысль, воображеніе, чувство, что вся громадная Сибирь не въ состояніи дать ни одного великаго художника русскаго слова, ничего въ высшей области творчества, кромѣ сѣрой посредственности. Даже утилитарный геній Менделѣева составляетъ обособленное исключеніе. Такъ несоразмѣрно культурѣ слишкомъ широко раздвинутое однообразіе понижаетъ и изсушаетъ то, что разнообразіе поднимаетъ и осыпаетъ оплодотворяющей пылью. Говоря о Сибири, я не хочу впрочемъ сказать, что она по своей природѣ не входитъ въ кругъ воздѣйствія русской культуры. Наоборотъ—она могла бы быть также богатой духовной, какъ и экономической житницей Россіи. Но русская культура сама оставила невспаханнымъ въ свое время это поле.

Въ результатѣ, если отбросить иллюзію всесвѣтной гегемоніи языка и культуры, то идеалъ господства надъ цѣлымъ міромъ или бо̀льшей его частью сразу тускнѣетъ и теряетъ свою основную цѣнность. Мыслимо ли и если мыслимо—то какою цѣною поддерживать господство одного языка, культуры, вѣры, міровоззрѣнія, государственной системы надъ разнообразіемъ языковъ, куль-

туръ, религій, міровоззрѣній, государственныхъ идеаловъ?

Повторяю, лучшія силы народа будутъ уклоняться отъ этого рода насильнической работы. Худшія же силы не могутъ господствовать болѣе продолжительное время надъ лучшими, такъ какъ вскорѣ извратятъ, а затѣмъ и убьютъ собственную культуру, обезсилятъ, а затѣмъ доведутъ до распада собственную государственность. И поэтому, когда первичный, безсознательно героическій патріотизмъ превращается въ сознательно хищническій націонализмъ, особенно если это націонализмъ могущественнаго народа, имѣющаго возможность совершать захваты исключительно по праву силы; то въ средѣ этого народа образуется расколъ, поверхностно судя, на почвѣ этической, на почвѣ освободительныхъ движеній, но въ сущности на почвѣ внутренняго переломнаго кризиса, рѣшающаго: быть или не быть, крѣпнуть или разлагаться, идти къ зениту міровой славы и возможной долговѣчности, или же разбиваться на составныя части и искать новыхъ формъ историческаго бытія данному государственному цѣлому, данной культурѣ.

Патріотизмъ необходимъ народу, какъ воздухъ. Но вырождаясь въ хищническій націонализмъ онъ отравляетъ, какъ зараженный воздухъ. И слѣдовательно борьба молодой Россіи со старой, это борьба не за власть, за тотъ или иной государственный укладъ, это борьба за самую жизнь, за самое право существованія, за возстановленіе матери-родинѣ такого нравственнаго ореола, который влекъ бы къ ней любовно всѣ лучшія сердца ея сыновъ, который далъ бы возможность забить живительному ключу сознательно одухотвореннаго патріотизма.

За это право русскіе вынуждены бороться, пока хотятъ жить, какъ нація, и пока хватаетъ силъ на борьбу.

Если бы историческій процессъ не встрѣтилъ сильнаго тормаза въ нормальномъ своемъ теченіи, борьба уже была бы кончена. Еще на земскихъ съѣздахъ чувствовалось живое біеніе возрождающагося русскаго патріотизма.

Но у него отняты и исковерканы всѣ знамена, подъ которыя онъ могъ бы стать: правового порядка, «17 октября, націоналъ-конституціонализма. «Правовой порядокъ» весь во власти непримиримой реакціи, весь въ борьбѣ за лозунгъ: «Россія (а слѣдовательно и Польша и поляки) для русскихъ. Окраинный органъ 17 октября «Минское Слово», редактируемое извѣстнымъ г. Шмидтомъ, въ програмномъ воззваніи обѣщаетъ ратовать «за равноправіе русскихъ», т. е., говоря проще, за дальнѣйшее расширеніе привиллегій руссификаціи. Согласенъ, что въ Петербургѣ октябристы иное говорятъ. Но мы ихъ судимъ не по ихъ словамъ, а по тому, какъ они дѣйствуютъ на почвѣ польско-русской жизни. Минскіе и т. п. октябристы не только пишутъ, но и дѣйствуютъ. Да и въ Петербургѣ октябристы пальцемъ не шевельнутъ въ пользу равноправія поляковъ; наоборотъ прилагаютъ за кулисами всѣ старанія, чтобы весь укладъ польско-русской жизни извратить въ духѣ низверженія поляковъ на степень гражданъ нисшаго порядка. Яркій примѣръ: проектъ «карательныхъ» земствъ въ Литвѣ и на Руси, за которыя агитировалъ все время г. Красовскій, лидеръ октябристовъ, и которыя съ ихъ стороны не встрѣтили даже намека на порицаніе. Одинъ изъ октябристовъ, извѣстный полонофобъ г. Иващенко недавно

пытался подъ флагомъ націоналъ-конституціонализма организовать «союзъ защиты истинно-русскихъ дѣятелей на западныхъ окраинахъ».

Между тѣмъ, если бы условія создали возможность образованія дѣйствительной націоналъ-конституціонной русской партіи, то свою патріотическую дѣятельность она несомнѣнно начала бы съ соглашенія съ нами. Что это такъ, доказываетъ г. Несторъ, единственный въ русской прессѣ по своему духу и политическому складу русскій націоналъ-конституціоналистъ и въ качествѣ именно таковаго, въ качествѣ патріота молодой Россіи, чутко оріентирующійся въ нашемъ possumus и non possumus. Но г. Несторъ не партія, а въ настоящихъ условіяхъ русской дѣйствительности націоналъ-конституціонной партіи и быть не можетъ.

Зачатки молодого русскаго патріотизма, отброшенные со своихъ захваченныхъ старой Россіей позицій на лѣво, растворились теперь въ соціальномъ броженіи, объединились съ нимъ на весь періодъ борьбы и, какъ нѣчто самостоятельное, не могутъ проявлять себя.

IV.

И такъ безотлагательность ликвидаціи стараго режима съ каждымъ моментомъ все громче вопіетъ о себѣ. Мы, оставаясь неизмѣнными союзниками той стороны, которая борется за указанную ликвидацію, т. е. за полноту политическихъ и гражданскихъ свободъ, вносимъ въ эту борьбу элементъ государственнаго порядка и національнаго самосознанія. Въ этомъ пожалуй можно видѣть иронію исторіи. Но суть не въ ироніи, какъ бы она ни была горька для русскихъ. Дѣло въ томъ, что, переходя отъ смуты къ порядку, необходимо его ядро укрѣпить тамъ прежде всего, гдѣ нащупывается для него прочная почва. Якорь, брошенный въ волны бушующаго моря, не остановитъ судна и не предупредитъ его гибели. Коренная Россія, ослѣпленная миражемъ соціальныхъ утопій, не въ силахъ сразу затормазить свою бурную погоню за ними. Автономная Польша, которая сразу же заживетъ обновленной, нормальной жизнью, такъ какъ мобилизированы для этого и наготовѣ всѣ созидательныя силы страны,—станетъ путеводной опорой для организаціи такихъ же силъ въ Россіи. Въ дилеммѣ, которая все отчетливѣе опредѣляется: сгорятъ ли на медленномъ огнѣ анархіи, или отъ Польши,—воз-

вративъ ей то неотъемлемо польское, что отъ нея отнято—получить путеводную нить къ возрожденію, я и вижу историческое возмездіе, Немезиду, которая здѣсь будетъ неумолима, хотя бы потому, что отвергать указываемый ею путь—значитъ расписаться въ нежеланіи свести счеты за собственные грѣхи, значитъ не быть въ состояніи поднять свой національный духъ на высоту очищенія и возрожденія.

Основы молодой Россіи заложены разъ навсегда на историческихъ земскихъ съѣздахъ. Тамъ сложилось все то незыблемое, что составляетъ ея символъ вѣры. И здѣсь-то почти первое слово выдвинуло въ первую очередь автономію Польши. Не въ умѣ искали оправданія этому, просто чувствовали, что такъ именно надо. Это и была та художественная «интуиція», проникновенье, было то единственное, въ чемъ люди не ошибаются, въ чемъ геніи ближе всего подходятъ къ истинѣ, былъ вѣщій голосъ народной стихіи. Потомъ началась кропотливая работа ума, первая кладка на фундаментъ, и въ этой кладкѣ нѣтъ уже ничего несомнѣннаго, незыблемаго. Наоборотъ—въ пылу борьбы,—примѣняясь къ ея потребностямъ—кладка велась такъ, что для мирнаго времени очень мало годится.

Чтобы понять, какое громадное, рѣшающее значеніе одна автономія Польши оказала бы на ходъ событій въ Россіи, допустимъ, что она сейчасъ же послѣ земскихъ съѣздовъ дана. Какъ тогда сложилось бы внутреннее состояніе Россіи, что оно представляло бы въ настоящій моментъ? Несомнѣнно этотъ крупный обновительный шагъ правительства по отношенію къ полякамъ былъ бы сдѣланъ въ соотвѣтствіи съ его отношеніемъ и къ

внутренне-русской политикѣ, съ установленіемъ и тамъ извѣстнаго соотвѣтствія между словомъ и дѣломъ. Разъ же передовые круги общества, ядро силъ обновленія Россіи, почувствовали бы искренній поворотъ въ сторону конституціонализма, разъ не только разсѣялся бы сдавливающій русскій мозгъ кошмаръ польской козни, но отъ свободной Польши повѣяло бы здоровымъ, бодрящимъ воздухомъ патріотической, созидательной работы,—разъ въ тотъ-же моментъ, когда была бы провозглашена автономія Польши, само собою возстановилась бы великодержавная мощь Россіи на западѣ, почувствовалось бы, что въ ея сторону повернули взоры, надежды и силы всего славянства,—то не можетъ быть тѣни сомнѣнія, что въ программу всѣхъ здоровыхъ оппозиціонныхъ партій не вошелъ бы тотъ непримиримо боевой элементъ, который теперь ввергъ Россію въ изнурительную, затяжную междоусобицу.

Пробуждающееся въ этихъ условіяхъ народное самосознаніе по всей вѣроятности примирилось бы съ элементарной очевидностью, что только на почвѣ обновленной политически Россіи можетъ быть рѣчь—возможно правильно оріентироваться въ соціальныхъ реформахъ и ихъ направленіи. Вѣдь и партія соціалъ-революціонная, гдѣ народная энергія и экзальтація достигаютъ высшаго уровня, въ теоріи ставитъ на первую очередь политическія свободы—и только условія борьбы вынудили ее переплести съ этими свободами и требованія соціально-аграрныя. Словомъ, тотъ передовой пластъ русской интеллигенціи, который безразлично—легализируй его или не легализируй—властно направляетъ культурно-политическую народную жизнь, имѣлъ-бы

полную возможность повернуть определенно на широкую, открытую передъ собою дорогу эволюціи. Утверждаю, что на эту же сторону могла бы переброситься крупная и самая цѣнная часть энергіи, самоотверженности изъ круговъ революціонныхъ.

Революціонный актъ это не конфетка и вообще не нѣчто такое, къ чему стремился бы нормальный человѣкъ въ условіяхъ нормальныхъ или очевидно идущихъ къ нормѣ.

Польскіе націоналъ-демократы, вступивъ фактически, а не на словахъ только, на путь эволюціоннаго обновленія, привлекли къ себѣ, подчинили себѣ и претворили весь польскій здоровый революціонизмъ, и только грязная муть отлилась въ сторону космополитизма и анархіи. Польскіе націоналъ-демократы настолько укрѣпили себя, очевидностью здороваго національнаго эволюціоннаго теченія, не въ средѣ одной интеллигенціи, но и въ народной массѣ, такъ деревенской, какъ рабочей и фабричной, что на послѣднихъ польскихъ выборахъ обнаружилось нѣчто единственное во всей Европѣ. Рабочіе, которые по природѣ своего умственнаго кругозора вездѣ составляютъ естественное ядро соціалъ-демократизма, въ Польшѣ въ большинствѣ, а если отбросить евреевъ, то въ громадномъ большинствѣ, стали на сторону націоналъ-демократовъ.

И русская эволюція, только претворивъ то, что въ русскомъ революціонизмѣ есть цѣннаго и оплодотворяющаго, стала бы крѣпко и увѣренно на ноги.

Утверждаю, что по стопамъ патріотической работы автономной Польши и параллельно ей, шла бы уже въ настоящее время созидательная патріотическая работа

и въ Россіи. Въ Думѣ образовался бы, какъ крупное большинство, умѣренный, національно-конституціонный центръ, который вовлекалъ бы въ себя очевидностью живой работы и всѣхъ работоспособныхъ представителей народной массы. Лѣвый флангъ, лишенный возможности взвинчивать себя остротою аграрнаго вопроса, поставленнаго на надлежащее мѣсто, превратился бы въ лагерь идеологовъ, которымъ подчасъ можно было бы прислушиваться со вниманіемъ и уваженіемъ, но которые на ходъ работъ не могли бы оказывать рѣшающаго давленія. На правомъ флангѣ реакція лишена была бы возможности тыкать палку въ колесницу новой Россіи во имя патріотизма, такъ какъ очевидный, несомнѣнный и несомнѣнно русскій патріотизмъ уже проникалъ бы живой струей всю дѣятельность Думы.

Скажу болѣе, вспомню то, что года полтора назадъ поняла бы вся Россія, а что теперь, увы, многимъ можетъ показаться поэтическимъ бредомъ.

Мы привѣтствовали конституціонный правопорядокъ, не замѣчая, что освободительное движеніе хлынуло было гораздо выше и глубже его. Ухватившись за часть, мы не замѣтили цѣлаго, не замѣтили, какъ опредѣлялось на горизонтѣ нѣчто несравненно болѣе великое, молодая славянская цивилизація.

Какъ древнее христіанство, она зародилась, очистилась, одухотворилась въ кровавыхъ мукахъ. Выстрадали ее всѣ славянскіе народы, отъ главенствующихъ до ничтожнѣйшихъ племенъ, въ нѣсколько сотъ тысячъ душъ. Подъ игомъ величайшихъ насилій въ той или иной формѣ слагалась и крѣпла ихъ духовная мощь. Въ Россіи пер-

вые апостолы пали восемьдесятъ лѣтъ назадъ. «Сказаніе о декабристахъ становится все болѣе и болѣе торжественнымъ прологомъ,—говоритъ Герценъ,—отъ котораго всѣ мы считаемъ нашу жизнь, нашу героическую генеалогію. Что за титаны, что за гиганты!»

Семьдесятъ лѣтъ назадъ, Мицкевичъ въ томъ возрастѣ, въ какомъ убитъ былъ Пушкинъ, сломалъ свое перо поэта и весь ушелъ въ мистическое созерцаніе «умирающаго Запада и возрожденія міра посредствомъ славянской цивилизаціи». Но въ то время еле брезжащую ея зарю скорѣе предчувствовали, чѣмъ видѣли, одни народные пророки. Ея еще не было, когда пышныя амфоры искусства переливались, искрились, опьяняли. Вырабатывался языкъ, натягивались струны, создавались формы, но не было духа, намѣчался путь къ горѣ Синаю, но не прозвучалъ еще всенародно символъ вѣры.

Этотъ символъ прозвучалъ бы въ рокотѣ первой же могучей волны освободительнаго движенія и направилъ бы его въ мощное, цѣлебное, хрустально-чистое русло, но онъ оборвался на первыхъ звукахъ, потому что на эти звуки не могла отвѣтить воскресающимъ «осанна» свободная Польша. Не буду, не дерзаю въ нѣсколькихъ строкахъ касаться сущности той славянской цивилизаціи, которой предопредѣленъ былъ міровой расцвѣтъ, если не убиваемый, то отодвигаемый въ далекое будущее русско - польскою каиновой борьбой. Теперь стягъ ея могла бы еще удержать въ своихъ рукахъ Россія; въ чьихъ рукахъ окажется онъ въ будущемъ, рѣшитъ исторія.

Во всякомъ случаѣ отказъ Польшѣ въ правѣ на автономію равнозначенъ съ отказомъ отъ этого стяга и по-

праніемъ его ногами. И если первымъ словомъ молодой Россіи была автономія Польши, то—повторяю—это было слово патріотическаго проникновенія, это было инстинктивное стремленіе удержать право русскаго народа на то, что въ его возможномъ будущемъ наиболѣе цѣнно и славно.

КРУПНОЕ НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

Въ настоящій моментъ самое крупное недоразумѣніе польско-русское—это вопросъ о взаимоотношеніяхъ въ губерніяхъ Литвы, Малой и Бѣлой Руси. Отъ культурнаго русскаго націоналиста приходится выслушивать приблизительно слѣдующее:

— Я готовъ смотрѣть на Польшу, какъ на самостоятельную этнографическую единицу... допускаю даже присоединеніе къ ней чисто польскихъ уѣздовъ Гродненской губерніи... допускаю въ извѣстныхъ предѣлахъ автономію. Но я требую, наконецъ, точнаго опредѣленія, что твое, и что мое. Это послѣднее должно быть недосягаемо для польскихъ вожделѣній.

Коренная ошибка такого довольно распространеннаго взгляда въ томъ, что поляковъ отъ русскихъ никогда не отдѣляла и не можетъ отдѣлять никакая стѣна, никакой ровъ. Между чисто этнографической Польшей и такой же Россіей неизбѣжно существуютъ промежуточныя переходныя земли, гдѣ одновременно могутъ считать себя коренными жителями какъ русскіе, точнѣе: мало и бѣлоруссы, такъ и поляки. Польская культура

имѣетъ здѣсь свои неотъемлемыя права, свои заслуги, и борьба съ нею допустима только путемъ культурнаго же соревнованія. Въ этомъ соревнованіи на сторонѣ русскихъ во всякомъ случаѣ крупныя преимущества: русская государственность и православная вѣра большинства населенія. Связывая полякамъ руки, лишая ихъ равноправія, замѣняя культурное русское соревнованіе некультурнымъ русскимъ господствомъ, вы лишь кастрируете, обезпложиваете свое дѣйствительное добро, свою культуру. Отъ работы на такой почвѣ, въ столь оскорбляющихъ нравственное чувство и унижающихъ человѣческое достоинство условіяхъ, всегда будутъ уклоняться истинно культурныя русскія силы. Скажу болѣе. Эти силы будутъ невольно сочувствовать связанному противнику, становиться на его сторону, проникаться его болью. Естественныя послѣдствія этого, какъ они ни возмущаютъ русскихъ шовинистовъ—неотразимы. Во всѣхъ западныхъ губерніяхъ лучшая, достойнѣйшая часть русскаго дворянства и вообще осѣдлаго населенія духовно объединяется съ поляками, въ нѣкоторомъ смыслѣ полонизируется. Имѣя предоставленное себѣ право, путемъ ограниченій, вездѣ оттѣснять поляковъ на низшую ступень гражданской и общественной жизни, она конфузливо уклоняется отъ какого бы то ни было активнаго соревнованія съ ними, боясь и тѣни солидарности съ тѣми единицами русскаго общества, которыя стремятся использовать ограниченія, эксплоатировать свое право господства.

Въ результатѣ происходитъ то, что тамъ, гдѣ полякамъ предоставлена относительная свобода движеній, напр. въ сельскохозяйственныхъ обществахъ, ихъ куль-

турной работѣ русскіе ровно ничего не противопоставляютъ.

Въ результатѣ происходитъ даже то, что русскіе просто не желаютъ оберегать дѣйствительнаго своего добра. Иллюстрирую это нагляднымъ примѣромъ.

Допустимъ, что мѣстный русскій бюрократъ, перегруженный собственными привиллегіями и ограниченіями поляковъ, зазѣвался, и какой-нибудь полякъ ловко выхватилъ у него крупицу дѣйствительно русскаго добра. Случай такой маловѣроятенъ, такъ какъ намъ не до русскаго добра, и дай намъ Богъ выхватить кое-что изъ собственнаго неоспоримаго добра: равноправія. Но допустимъ худшее: захватъ крупицы добра и вправду русскаго.

И въ этомъ случаѣ культурный русскій націоналистъ безсиленъ открыть ротъ и завопить: караулъ! Онъ не былъ бы культуренъ, если бы въ немъ было атрофировано чувство справедливости, а это чувство говоритъ ему, что обобранный на тысячу вправѣ взять у обобравшаго рубль.

Словомъ, эта несчастная тысяча, проценты отъ которой идутъ на ломкій лакъ русской казенной внѣшности,— это попранное равноправіе, это безспорно польское и вообще общечеловѣческое добро—въ корнѣ исключаетъ возможность образованія на мѣстѣ объединеннаго круга русскихъ культурныхъ націоналистовъ.

Итакъ, вопросъ равноправія—вопросъ не только элементарной справедливости, но и раскрѣпощенія русскихъ творческихъ силъ.

Въ частности, западныя губерніи—съ соревнованіемъ одинаково сильныхъ и одинаково цѣнныхъ не только

для славянства, но и для міровой цивилизаціи культуръ—польской и русской—могли бы стать для русскаго народа прекрасной и необходимой ему школой культурной мирной борьбы. Здѣсь вырабатывалась бы та энергія, та ширь движеній, та глубина замысловъ, та прозорливость взгляда, вырабатывались бы, словомъ, образцовые пріемы работы и образцовые работники цивилизаторской миссіи Россіи на тѣхъ лишенныхъ самобытной культуры окраинахъ, которыя казалось бы сама стихія влечетъ къ полному культурному сліянію съ Россіей, но которыя теперь разобщены съ нею и развращены пріемами грубой, хищнической денаціонализаціи.

Въ самихъ западныхъ губерніяхъ Россія, если не пойдетъ стезею Плюшкина, не можетъ жадно дрожать за обладаніе каждымъ зерномъ урожая. На этой землѣ, гдѣ также у себя дома русскіе, какъ и поляки,—для Россіи должно быть дорого то зерно, которое болѣе питательно, здорово и въ культурномъ слыслѣ цѣнно, будь то зерно польское или русское. Этой мѣрой считая, она не вправѣ поминать лихомъ и виленскаго университета, хотя онъ былъ польскій, и широкой просвѣтительной дѣятельности Ѳаддея Чацкаго, такъ какъ плоды всего этого пожинаетъ наравнѣ съ поляками и Россія именно теперь.

Итакъ—съ русской стороны безсмысленно отожествлять польскую борьбу за равноправіе съ посягательствомъ хотя бы на крупицу русскаго добра. Если выжать всю жидкую сущность многострочныхъ воплей объ этомъ, то окажется, что напримѣръ въ земельномъ банкѣ поляки раньше лишь тихо шептались, теперь же громко бесѣдуютъ по-польски, что на выборахъ, имѣя большинство, довѣряютъ своему, а не чужому, что тамъ-то хо-

тѣли бы на свои деньги создать польскую школу, тамъ польскую библіотеку, тамъ возстановить старый костелъ, охранить свой памятникъ старины и т. п.

Все это неотъемлемое наше право: мы его должны имѣть и будемъ имѣть. Какими камнями ни загромождайте чистый путь равноправія,—или эти камни будутъ убраны, или послужатъ твердынями смуты и анархіи. Tertium non datur.

Уклоненіе внутренней политики къ старымъ проторенньмъ дорогамъ, какъ все прочее, двинуло вспять и вопросъ равноправія. Все, что было за послѣднее время сдѣлано въ его пользу въ области вѣры, свободы польскаго языка на собраніяхъ, въ школѣ, въ общественныхъ учрежденіяхъ, свободы пріема поляковъ на службу и пр. — все это либо совершенно пріостановлено, либо получило возможно ограничительное толкованіе.

Передъ лицомъ второй русской Думы поляки вновь являются гражданами низшаго порядка, только терпимыми и ограниченными въ своихъ правахъ, въ наказаніе за живучесть и упорный ростъ своей культуры, своего національнаго самосознанія. Эту неправду должны сознавать русскіе.

ПОЛЕМИКА [1]).

I.

Западныя губерніи со смѣшаннымъ вѣроисповѣднымъ составомъ населенія и мѣстныя отношенія я знаю хорошо. И поэтому считаю себя вправѣ заявить, что то, что происходитъ тамъ нынѣ на почвѣ указа о вѣротерпимости, освѣщено въ русской, интересующейся вѣроисповѣдными дѣлами, печати односторонне.

По подсчетамъ самихъ же корреспондентовъ, «упорствующихъ» въ Люблинской и Сѣдлецкой губ. было до 100,000. Они въ сущности все время были католиками и теперь только оффиціально оформили это. Присоединеніе къ католичеству такой массы народа, при незначительной наличности мѣстныхъ храмовъ и духовенства— вызвало у послѣдняго столько еле посильной работы, что очевидно и времени и нужды не было въ какой бы то ни было спеціальной агитаціи и вынужденныхъ со-

---

1) Эти статьи, совершенно лишенныя личнаго полемическаго характера, печатаю потому, что даютъ прямой польскій отвѣтъ на зауряднѣйшіе упреки и обвиненія. которыя несомнѣнно еще не разъ будутъ раздаваться по адресу польскаго общества.

вращеніяхъ. Изъ этого конечно не слѣдуетъ, чтобы ксендзы не относились сочувственно къ тѣмъ, которые обращались къ нимъ и которые, какъ я указалъ,— фактически издавна католики и даже совершали по ту сторону австрійской границы, въ костелахъ, свои духовныя требы. Но въ теченіи 30 лѣтъ религіознаго гоненія въ этой массѣ народа накопилось столько злобы противъ православія, въ которомъ они видѣли источникъ всѣхъ своихъ терзаній, что единичныя выходки въ средѣ некультурной, подъ вліяніемъ внезапнаго ощущенія свободы дѣйствій, на первыхъ порахъ стали неизбѣжны. Очевидно о нихъ должно скорбѣть, но въ общемъ ихъ менѣе, чѣмъ можно бы ожидать. Озлобленіе могло вырваться наружу въ крайне рѣзкихъ и стадныхъ формахъ, и если этого не случилось, то именно потому, что отъ этого сдерживало народъ католическое же духовенство.

Несомнѣнно самыя тяжелыя сцены происходили въ семьяхъ разнороднаго духовнаго уклада, тяжелыя и потому, что побѣда могла оставаться на сторонѣ физической силы. Всѣ эти неизбѣжныя отрицательныя проявленія переходнаго состоянія необходимо переждать, какъ раньше выздоровленія необходимо вынести возвратные приступы лихорадки. Возобновленіе полицейскаго давленія на внутреннюю, религіозную жизнь народа можетъ лишь этотъ періодъ продлить.

Съ національно-польской и съ католической точки зрѣнія рѣшительно нѣтъ смысла противиться нѣкоторымъ ограниченіямъ свободы совѣсти. Какъ теперь ксендзы еле поспѣваютъ подбирать падающіе къ ихъ ногамъ зрѣлые плоды тридцатилѣтняго религіознаго

гнета, такъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ ограниченій, станутъ назрѣвать новые плоды, которые тѣ же ксендзы соберутъ лѣтъ черезъ 10, 20, 30. Иного результата быть не можетъ. Что дѣло, въ защиту котораго вводятся ограниченія, идетъ не впередъ, а вспять, доказываетъ фактъ, который удостовѣрилъ одинъ изъ корреспондентовъ «Нов. Вр.»:—что въ большинствѣ гораздо менѣе враждебны православію отцы, чѣмъ дѣти, что слѣдовательно наиболѣе тяготѣютъ къ католичеству поколѣнія послѣднихъ 30 лѣтъ.

Сильно ошибаются тѣ, которые воображаютъ, что мы требуемъ полной отмѣны вѣроисповѣдныхъ ограниченій въ качествѣ патріотовъ. Убѣжденно утверждаю, что громадное большинство польскаго общества за безусловную свободу совѣсти исключительно изъ-за сознанія, что въ современномъ цивилизованномъ государствѣ она составляетъ насущный духовный хлѣбъ, котораго никто и ничто отнимать не вправѣ.

Вступить на путь нормальныхъ религіозныхъ отношеній ранѣе или позже необходимо, и тѣми, которые пытаются затормазить это вступленіе, повидимому руководятъ чисто личные виды. При новомъ укладѣ «дѣятели» прежняго порядка несомнѣнно окажутся за бортомъ, и удержать хотя бы отчасти старый порядокъ для нихъ вопросъ насущный.

Необходимо при этомъ поставить на точку зрѣнія не то, что намъ хотѣлось бы видѣть, а то, что мы дѣйствительно видимъ, вопросъ, гдѣ кончается русское и начинается польское населеніе, такъ какъ безцѣльно создавать иллюзію, считая русскими тѣхъ, которые считаютъ себя поляками.

Какъ ни-какъ фактъ на-лицо: отпадаютъ, по велѣнію своей совѣсти, не только католики, которыхъ оффиціально считали православными, но и поляки, которыхъ оффиціально считали русскими.

Если не закрывать глазъ на этотъ несомнѣнный фактъ, то отпадетъ сущность многихъ разочарованій. Кто виноватъ, что русскими считались тѣ, которые не были русскими? И какимъ образомъ требовать, чтобы поляки отворачивались и открещивались отъ тѣхъ, въ которыхъ чувствуютъ и видятъ своихъ же? Слѣдуетъ сообразно дѣйствительности классифицировать мое и чужое, такъ какъ иными путями пріобрѣтается чужое, а иными возвращается обратно свое.

Напрасно сваливать вину на несуществующую пропаганду полонизма.

Создана была цѣлая выдержанная система разобщенія польской интеллигенціи съ народомъ и эта система проводилась съ неукоснительной строгостью, безъ поблажекъ.

Даже обученіе сантиментальной барышней польской азбукѣ своего же дворового мальчика преслѣдовалось, какъ нѣчто незаконное.

Съ другой, русской стороны, имѣлась полная возможность воздѣйствія всѣми путями, и если несмотря на все это объектъ такого разобщенія и такого воздѣйствія уклоняется въ чужую сторону, то очевидно онъ представляетъ нѣчто не мое, а чужое.

Къ старымъ рядъ новыхъ обвиненій присоединяютъ корреспонденты изъ Литвы. Поляки требуютъ превращенія церквей въ костелы. Этого безусловно нѣтъ, а если бы нашелся такой полякъ, его прямо можно бы отправить въ домъ умалишенныхъ. Возможно одно, воз-

можно, что населеніе здѣсь и тамъ питаетъ надежды, что данный костелъ, превращенный послѣ возстаній въ церковь, возвращенъ будетъ обратно католикамъ. Такихъ костеловъ очень много, а въ числѣ ихъ есть глубоко-чтимые и со старой, многовѣковой исторіей. Такія надежды, сами по себѣ, не могутъ быть признакомъ преступной нетерпимости. Костелы закрывались здѣсь до послѣдняго времени. Ближайшій къ имѣнію моего брата, Слуцкаго уѣзда, костелъ въ мѣстечкѣ Цимковичахъ закрытъ нѣсколько лѣтъ назадъ по причинамъ совершенно таинственнымъ. Нѣкто прекрасно освѣдомленный и врагъ сплетенъ говорилъ мнѣ, что покойный минскій губернаторъ Трубецкой на картѣ Минской губерніи намѣтилъ всѣ костелы и считалъ долгомъ службы время отъ времени закрывать одинъ за другимъ.

Далѣе читаю упрекъ, что поляки-помѣщики отказываютъ въ работѣ православнымъ. Зная мѣстныя взаимныя отношенія, я ничего подобнаго представить себѣ не могу. Я бы совѣтовалъ публично клеймить такихъ поляковъ, если бы не увѣренность, что ихъ нѣтъ, и что опрометчивые обличители станутъ бросать грязью въ людей ни въ чемъ неповинныхъ. Навѣрное окажется, что тотъ или иной полякъ хотѣлъ имѣть лакеемъ или приказчикомъ поляка же, что очень естественно, особенно потому, что поляки-католики ограничены здѣсь въ правахъ, даже на должности желѣзнодорожныхъ сторожей и швейцаровъ правительственныхъ учрежденій. Но чтобы здѣшніе дворяне поляки касались вопроса вѣроисповѣданія при наймѣ на сельскія работы,—при взаимныхъ экономическихъ сношеніяхъ съ народомъ—это никогда не подтвердится, потому что ничего подобнаго нѣтъ.

II [1]).

Правъ г. «обыватель», что поляки въ Царствѣ Польскомъ враждебно настроены къ русскому языку и добровольно нигдѣ имъ не пользуются. Но это потому, что они вынуждены пользоваться имъ недобровольно. Переходъ къ добровольному, безъ крайней необходимости, пользованію имъ, означалъ бы, что они руссифицируются. Разъ этого не случилось, разъ поляки въ своей массѣ оказали полную невоспріимчивость къ руссификаціи, то естественно установилось безо всякаго предварительнаго сговора неписанное правило, которому всякій подчиняется инстинктивно, не нуждаясь въ какомъ бы то ни было внушеніи: не произносить безъ нужды ни одного русскаго слова и даже не произносить его тамъ, гдѣ это требуется, если надзирающихъ за исполненіемъ требованія нѣтъ на-лицо.

Необходимо вспомнить, что до послѣдняго времени требовалось напр., чтобы школьники-поляки говорили между собою по-русски, чтобы желѣзнодорожные даже буфетчики и лакеи въ Варшавѣ отвѣчали на польскую рѣчь по-русски и пр., т. е. русскій языкъ вторгался

---

[1]) По поводу статьи г. «Обывателя»: «Роковой вопросъ».

и въ область совершенно частныхъ сношеній. Въ этихъ условіяхъ вражда къ нему и уклоненіе отъ всякаго лишняго пользованія имъ являлись лишь элементарнымъ средствомъ самообороны противъ денаціонализаціи. Устраненіе причинъ обиднаго для русскихъ отношенія къ ихъ языку не отъ поляковъ зависитъ.

Съ того момента, когда польскій языкъ вернетъ себѣ тѣ полныя права гражданства, какими пользовался въ Царствѣ Польскомъ хотя бы до 1863 г., отъ гминнаго управленія и сельской школы до генералъ-губернаторскаго дворца включительно,—отношеніе поляковъ къ русскому языку измѣнится коренным образомъ; въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Вражда къ какому бы то ни было языку неестественна и допустима лишь, какъ средство національной самообороны въ періодъ гнета родного языка; нѣтъ гнета—нѣтъ и вражды. Развѣ тѣ же поляки не учатся въ Галиціи преисправно нѣмецкому языку, хотя ничто ихъ къ этому не обязываетъ?—тому нѣмецкому языку, съ которымъ враждовали и противъ котораго боролись въ той же Галиціи болѣе полустолѣтія? И когда русскій языкъ перестанетъ быть въ глазахъ массы языкомъ лишь чиновниковъ и чиновныхъ циркуляровъ, языкомъ угнетателей и угнетенія, онъ вернетъ достойное себѣ мѣсто въ польскомъ краѣ.

Вернетъ тѣмъ болѣе, что когда наша борьба за насущныя свои права, теперь поглощающая всѣ наши помыслы и силы, благополучно завершится, и мы станемъ дышать чистымъ воздухомъ свободы, то почувствуемъ, что пришла пора приступить къ работѣ и во имя идеала общеславянской цивилизаціи, здѣсь же языки польскій и русскій не будутъ мѣшать другъ другу. Въ

годы 1820—1830 нѣчто подобное намѣчалось и единеніе польскихъ и русскихъ ученыхъ и писателей явствуетъ хотя бы изъ писемъ Рылѣева и другихъ, изъ дѣятельности тогдашнихъ польскихъ научныхъ обществъ, изъ того, что знаменитѣйшій польскій поэтъ Мицкевичъ въ Петербургѣ и Москвѣ не постѣснялся сразу войти въ среду русскихъ писателей и русскаго общества, чего послѣ 1831 года уже не могло повториться.

Но все это можетъ быть лишь послѣдствіемъ возстановленія нормальныхъ польско-русскихъ отношеній. И поэтому пожалуй преждевременна попытка создать на новыхъ началахъ «славянскій союзъ». Г. «обыватель» дальновиднѣе, утверждая, что раньше чѣмъ мечтать о будущемъ въ какой бы то ни было формѣ единенія славянства, необходимо разрѣшить польско-русскій споръ. Безправные поляки не станутъ объединяться съ полноправными русскими во имя славянскаго братства, которое является синонимомъ равноправія, да и другіе славянскіе народы не могутъ довѣрять Россіи, пока она обнаруживаетъ хотя бы въ малѣйшей степени попытку денаціонализировать единственный подвластный себѣ славянскій народъ.

Вообще скажу, что нельзя учитывать сочувствіе намъ русскаго прогрессивнаго общества раньше, чѣмъ это сочувствіе дастъ плоды.

Жалуясь на отсутствіе въ польской литературѣ русскихъ типовъ, г. «обыватель» забываетъ про цензуру. Трудно было идеализировать тѣхъ русскихъ дѣятелей, съ которыми сталкиваются поляки у себя. А не идеализировать не позволяла цензура. Въ отместку ихъ заграницей шаржировали. Но несомнѣнно эти типы не

пропадутъ и раньше или позже будутъ увѣковѣчены въ польской художественной литературѣ. По той же причинѣ—подчиненности цензурѣ—не могъ касаться Сенкевичъ русской исторіи въ своей трилогіи. Случалось, что польскіе писатели изображали русскіе порядки подъ видомъ нѣмецкихъ.

Отъ изображенія русскихъ типовъ не уклонялся никто, кто писалъ не считаясь съ цензурой. Въ эпосѣ Мицкевича «Панъ Тадеушъ» очень симпатично изображенъ взятый прямо изъ дѣйствительности русскій офицеръ Никита Рыковъ. Внукъ его, тоже офицеръ, недавно babприслалъ въ редакцію «Литовскаго Курьера» свою ленту на памятникъ Мицкевичу въ Вильнѣ. Г. «обыватель» навѣрное не знаетъ, что русская цензура ставила, между прочимъ, польскимъ редакціямъ въ обязанность печатать въ годъ хотя бы одинъ переводъ съ русскаго. Послѣдствіемъ было то, что редакціи считали неумѣстнымъ давать еще переводы по доброй волѣ, да и для обязательнаго перевода выбирали нарочно тѣ разсказы, большею частью Чехова или Горькаго, въ которыхъ русскіе нравы изображены очень непривлекательно. Такимъ образомъ существующій режимъ и русскую литературу дѣлалъ въ тѣхъ и другихъ рукахъ орудіемъ лишь политической борьбы. Это неестественное положеніе уже теперь не существуетъ, и я смѣло утверждаю, что поляки не пропустятъ въ русской литературѣ ничего, достойнаго вниманія. Никакихъ поводовъ опасаться ея соревнованія или вліянія — у насъ нѣтъ. За границей, въ Краковѣ, Львовѣ, въ самое послѣднее время охотно стали переводить не только Толстого, Чехова, но и Лейкина. Замѣчу, что многое, даже напр. сатиры Буренина, считались

на польскомъ языкѣ нецензурными и вообще цензурныя придирки отнимали всякую охоту возиться съ русскими писателями.

Правъ наконецъ г. «обыватель», что «польскій вопросъ сошелъ съ рельсовъ и русскіе безсильны руководить его направленіемъ».

Послѣ того, какъ даже духъ манифеста 17 октября замѣненъ въ Польшѣ духомъ военнаго положенія—послѣдовало «отрезвленіе» въ томъ смыслѣ, что всѣ лица, пытавшіяся завязать тѣ или другія сношенія съ правительствомъ, стали въ обществѣ такъ же непопулярны, какъ раньше «угодовцы» Всякая надежда на то, что правительство удовлетворитъ хотя бы элементарнѣйшимъ требованіямъ поляковъ, исчезла. Но правительство сегодняшняго дня непопулярно и въ русскомъ обществѣ. и хотя бы вскорѣ послѣдовало еще нѣсколько этого рода правительствъ, поляки далеки отъ того, чтобы свои чувства къ представителямъ русской власти переносить на русское общество.

Нѣтъ, г. «обыватель», за послѣднія десятилѣтія не было момента, въ который сближеніе поляковъ съ русскими было бы «такъ близко, такъ возможно». Упускать этотъ моментъ, изъ-за воображаемыхъ трудностей сговориться, будетъ ошибкой. Существеннѣйшая заминка не въ сговорѣ, а въ томъ, чтобы производить расчетъ не векселями, а полноцѣнной валютой.

КОСТЕЛЫ И ЦЕРКВИ ВЪ ХОЛМЩИНѢ.

Въ нѣкоторыхъ органахъ появляются свѣдѣнія о невѣроятной «наглости» католическаго духовенства, особенно въ Холмщинѣ. Оно будто бы, ни болѣе, ни менѣе, требуетъ отобранія православныхъ храмовъ и обращенія ихъ въ костелы. Петербургъ посѣтилъ бывшій членъ Государственной Думы отъ Сѣдлецкой губерніи, князь Святополкъ-Четвертинскій, прибывшій съ нарочитой цѣлью поддерживать эти притязанія.

Суть ихъ въ слѣдующемъ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ, когда возсоединенные уніаты стали упорно противиться сліянію съ православной Церковью, власти Царства Польскаго рѣшили, что тому мѣшаютъ находящіеся въ тѣхъ мѣстностяхъ костелы. И костелы эти стали закрывать не потому, чтобы они были лишними католикамъ, а съ тою цѣлью, чтобы бывшіе уніаты лишены были возможности навѣщать костелъ и «такимъ образомъ» укрѣпились бы въ православіи. Это упраздненіе католическихъ храмовъ велось безъ всякой системы и вполнѣ зависѣло отъ благоусмотрѣнія ближайшихъ, часто низшихъ, властей. Отсюда

такая неравномѣрность, что въ Люблинской губ., гдѣ возсоединенныхъ насчитывалось 300,000, отобранъ въ пользу православныхъ всего одинъ монастырь и закрыто 2 костела, въ Сѣдлецкой же губерніи, съ числомъ православныхъ 160,000, отобрано въ пользу православія 10 костеловъ и закрыто 12, итого 22 костела.

Результаты такого нерадѣнія о пользѣ православія въ Люблинской губерніи и такого усердія въ Сѣдлецкой сказались самымъ наглядным образомъ послѣ изданія указа о вѣротерпимости. Въ нерадивой Люблинской губ. отошло отъ православія въ католичество 20 процентовъ, а въ усердной Сѣдлецкой 70 процентовъ, т. е. 110,000 изъ 160,000 бывшихъ уніатовъ.

Послѣ изданія указа неравномѣрность въ количествѣ костеловъ и церквей крайне возросла, особенно въ Сѣдлецкой губерніи. Напримѣръ въ уѣздѣ Влодавскомъ 1 костелъ приходится на 16,250 католиковъ и 1 церковь на 900 православныхъ, въ Радзинскомъ уѣздѣ 1 костелъ на 6,680 католиковъ и 1 церковь на 230 православныхъ. Имѣются православные приходы съ числомъ прихожанъ менѣе 10 и католическіе приходы столь многолюдные, что католическое духовенство лишено физической возможности удовлетворять всѣ духовныя требы населенія.

Въ настоящее время католики возбудили пять дѣлъ. Въ трехъ случаяхъ они домогаются возвращенія участковъ, на которыхъ стояли снесенные костелы, и въ двухъ случаяхъ, въ Коднѣ и Ополѣ, возвращенія костеловъ.

Что интересы православныхъ нигдѣ здѣсь, ни въ малѣйшей степени, не затронуты, доказываетъ хотя бы характерное дѣло костела въ Коднѣ. Онъ былъ сооруженъ нѣ-

сколько сотъ лѣтъ назадъ княземъ Сапѣгой и надѣленъ угодьями и капиталами, обезпечивающими его существованіе на вѣчныя времена. Въ церковь онъ не былъ обращенъ послѣ своего закрытія во-первыхъ потому, что мѣшала этому архитектура храма, во-вторыхъ потому, что не представлялось надобности, такъ какъ въ томъ же Коднѣ обращены въ церкви бывшій уніатскій храмъ и второй костелъ. Католиковъ въ Коднѣ 2,240, въ окрестностяхъ 1,220; костелъ верстъ за двадцать. Православныхъ въ Коднѣ 560—церквей двѣ; въ окрестностяхъ православныхъ 5,000—церквей приходскихъ восемь!

Кажется—нѣтъ тѣни сомнѣнія, на чьей сторонѣ правда. Между тѣмъ о благопріятномъ для католиковъ рѣшеніи дѣлъ, въ родѣ указанныхъ, пока—нѣтъ рѣчи. Но зато литовскій архіепископъ Никандръ печатно громитъ католиковъ за ихъ «дикія проявленія фанатизма».

Увы! вопросъ спорный, дѣйствуетъ ли во славу и укрѣпленіе православія то православное духовенство, которое не хочетъ примириться съ перерывомъ разгрома костеловъ и имъ завѣщаннаго имущества, разгрома, который продолжался свыше сорока лѣтъ и уронилъ до того нравственно положеніе православія, что отъ него сотнями бѣгутъ въ западныхъ губерніяхъ въ католичество, а въ южныхъ въ самыя невѣроятныя секты,—или же дѣйствовали бы во славу и возможное возрожденіе православія тѣ его дѣятели, которые рѣшительно отказались бы за него отъ привиллегіи стяжанія и господства

РУССИФИКАЦІЯ КОСТЕЛА.

Въ варшавскія газеты пишутъ изъ Петербурга, что правительство рѣшило широко использовать разрѣшеніе Рима вводить въ добавочное католическое богослуженіе русскій языкъ и нарѣчія малороссійское и бѣлорусское.

Въ Вильно будто бы предназначено 50,000 экземпляровъ русскаго католическаго катехизиса. Одновременно —по свѣдѣніямъ тѣхъ же газетъ—переводятся на русскій языкъ польскія костельныя пѣснопѣнія.

Если это правда, то западныя губерніи наканунѣ новаго прибоя того религіознаго культуркампфа, который онѣ выдержали въ 70—80-хъ годахъ.

Онъ дѣйствительно ввелъ на первыхъ порахъ въ ряды католическаго духовенства извѣстную деморализацію. Я прекрасно помню то время, такъ какъ провелъ дѣтство въ центрѣ и въ самый разгаръ этой борьбы. Правительство собственной властью удерживало на мѣстахъ и поощряло тѣхъ ксендзовъ, которые, вопреки требованіямъ высшихъ духовныхъ своихъ властей, дѣйствовали въ видахъ руссификаціи костела. Это были пьяницы, развратники и любостяжатели, населеніе ихъ

презирало и уклонялось отъ всякаго посѣщенія занятыхъ ими костеловъ. Не касаясь того, возможно ли вообще подобрать духовное лицо болѣе высокаго нравственнаго уровня, которое согласилось бы посредствомъ храма проводить политику духовнаго разобщенія прихожанъ съ храмомъ, утверждаю лишь, что кругомъ меня такихъ ксендзовъ не было, что нравственное паденіе роковымъ образомъ соединялось съ угодничествомъ свѣтскимъ властямъ, и нравственная сила—съ несокрушимой борьбой противъ нихъ. Въ моемъ сосѣдствѣ былъ именно ксендзъ, прославленный своей незавидной дѣятельностью на всю Россію и Польшу, который, какъ увѣряли, переводя польскія костельныя пѣснопѣнія на русскій языкъ, до того увлекся поддѣлкой ихъ подъ духъ русской рѣчи, что слова «Dobra noc, o Jezu» (извѣстная пѣсня Карпинскаго) перевелъ: «покойной ночи, Іисусъ Осиповичъ».

Гимназистами мы обязаны были молиться въ костелѣ исключительно по его переводамъ.

Словомъ, на моихъ глазахъ достигнутъ былъ столь высокій идеалъ руссификаціи храма, какой по нынѣшнимъ временамъ, какъ бы законъ о вѣротерпимости ни суживать, едва-ли достижимъ. Достигнуто было и полное разобщеніе католиковъ со своимъ храмомъ.

Но къ чему это привело? Мы чувствовали себя униженными, оскорбленными, но вѣра наша тѣмъ стала намъ дороже. Въ каждомъ польскомъ домѣ въ извѣстное время, а уже обязательно въ праздникъ, въ часы богослуженія, хозяйка дома, имѣя передъ собой распятіе, становилась на колѣни и начинала читать молитвы. Комната наполнялась домашними, слугами, и навѣр-

ное не объединялъ бы насъ и не укрѣплялъ бы нашей вѣры такъ холодный храмъ, какъ эти благоговѣйно повторяемыя, изгнанныя изъ него, какъ преступленіе, молитвы. А какимъ дивнымъ ореоломъ, напоминающимъ подвижничество первой зари христіанства въ средѣ ему враждебной, озарены были наши рѣдкія паломничества къ обыкновенно далекимъ, гдѣ-то сосланнымъ въ глухіе приходы, упорствующимъ ксендзамъ. Помню, какъ къ такому ксендзу, чуть не за сто верстъ, везла меня мать въ какое-то маленькое, полуеврейское мѣстечко къ первой исповѣди. Какимъ божественно чистымъ казался храмъ, убереженный отъ насильнаго вторженія звуковъ чужой ему рѣчи.

Итакъ, каковы были въ итогѣ послѣдствія политики, имѣющей разбить, разобщить, располячить католиковъ, вселить въ нихъ недовѣріе къ своимъ храмамъ, искусственно направлять ихъ въ храмы православные?

(Ближайшій отъ нашего имѣнія костелъ отстоялъ за 35 верстъ. Между тѣмъ православный священникъ, живущій при церкви въ томъ же селѣ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи 4 церкви: вторую за двѣ версты въ сосѣднемъ селѣ, третью версты за двѣ по другую сторону, въ лѣсу, и четвертую въ селѣ подальше. Такъ какъ отъ общенія со своимъ ксендзомъ прихожане уклонялись, то они неоднократно предпочитали хоронить на православныхъ кладбищахъ, къ крещенію же дѣтей выжидали случая, когда можно ихъ будетъ свезти къ упорствующему ксендзу. Происходило это въ Минской губ.).

Послѣдствія были тѣ, что все католическое населеніе объединилось въ небывалой сплоченности и глубокомъ подъемѣ религіозности... И такъ же простые люди, какъ

интеллигенція. Вообще отношеніе правительства къ народной польской вѣрѣ совершенно парализовало движеніе польской интеллигенціи къ религіозному индифферентизму,—и въ настоящее время эта интеллигенція въ противовѣсъ русской—въ значительной части вѣрующая, и вся сплошь глубоко уважающая свою вѣру, что естественно, такъ какъ ея гоненіе, ея выстраданное подвижничество совершалось на глазахъ. Въ средѣ духовенства также произошла реакція въ сторону небывалаго нравственнаго подъема. Этой реакціи способствовало стремленіе къ руссификаціи семинарій, что утончило и удерживало въ приподнятомъ и напряженномъ состояніи духовное и національное самосознаніе ея воспитанниковъ.

Въ настоящій моментъ польскій народъ увѣренно знаетъ, что его духовные отцы съ честью выдержатъ всякую борьбу, въ какую бы ни были вовлечены.

Такъ и будетъ.

Всѣ расчеты построены правительствомъ на томъ, чтобы заставить лицъ, считающихъ себя поляками, считать себя впредь русскими, бѣлорусскими и т. п. католиками. Элементарная свобода совѣсти говоритъ, что такъ же вѣру, какъ и національность навязать нельзя. Неужели не доказала этого наглядно Холмщина? Отъ намѣченной борьбы ни полякамъ, ни католичеству урона не будетъ, какъ не было урона отъ борьбы съ холмскими уніатами. Но въ такомъ случаѣ—скажете—зачѣмъ же копья ломать? Потому хотя бы, что всѣ мы прежде всего люди и стремимся къ миру, а не къ борьбѣ, особенно въ ея наиболѣе возмущающихъ нравственное чувство формахъ. Иначе намъ пришлось бы сожалѣть, что и борьба

съ уніатами утратила за послѣднее время свою остроту. Мы, изъ интеллигенціи, не такъ глубоко вѣрующіе, сколько глубоко уважающіе нашу гонимую вѣру, не желаемъ пріобрѣтать ей прозелитовъ жестокой цѣною нравственныхъ терзаній.

Пока пропаганда католицизма запрещена въ Россіи, католиковъ, которые считали бы себя русскими, почти не существуетъ. Это фактъ. Второй фактъ, что католики, живущіе въ Мало-и Бѣло-Руссіи, считаютъ и желаютъ себя считать поляками—и какъ таковые—хотятъ слушать на богослуженіи польскій, а не иной языкъ. Того разногласія, что между литовцами и поляками, здѣсь нѣтъ и привить его не удастся. Это очевидно всякому, кто смотритъ на вещи непредубѣжденно. Сожалѣть лишь слѣдуетъ о фанатическомъ ослѣпленіи, съ которымъ затѣвается безнадежное и нехорошее дѣло во время столь смутное и требующее дѣлъ совершенно иного нравственнаго порядка. Разрѣшеніе Рима, данное имъ bona fide, прекрасно, и если заря истинной терпимости и свободы совѣсти дѣйствительно засіяетъ надъ нами, то придетъ пора, найдется примѣненіе и такому разрѣшенію. Но это внутреннее дѣло католическаго духовенства и его прихожанъ, дѣло мира и согласія, а не борьбы и насилія.

НОЯБРЬ 1905 Г.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

I.

Если бы я желалъ порвать всѣ связи моего народа съ Россіей, я бы требовалъ продлить въ Польшѣ военную диктатуру. Прежде всего она довершаетъ политическое воспитаніе народной массы, углубляя ея патріотизмъ и національное самосознаніе. Мятежа нѣтъ и не будетъ, но развѣ не чувствуется, какъ вся Польша загорѣлась огнемъ злобы и негодованія? Этотъ огонь вытравитъ безслѣдно все, что навязывалось съ такимъ усиліемъ въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ. Если для интеллигенціи является противовѣсомъ сочувствіе русскаго общества, то народная масса и Россію и русскихъ отожествляетъ съ деспотизмомъ военнаго положенія, отожествляетъ со враждою ко всему, къ чему польскій народъ стремится, что онъ чтитъ. Да и для нашей интеллигенціи тѣмъ невыносимѣе задыхаться теперь въ затхломъ воздухѣ реакціи, чѣмъ шире но всей остальной Россіи проносится свѣжее, освободительное дуновеніе. Исторія воздастъ должное той громадной политической заслугѣ передъ своимъ отечествомъ русскаго общества, которое во имя будущаго удерживаетъ Польшу отъ полнаго духовнаго разъедине-

нія съ Россіей, удерживаетъ, доказывая не только на словахъ, что «ударъ, нанесенный Польшѣ, считаетъ ударомъ всему русскому освободительному движенію».

Такимъ образомъ русское общество парализуетъ стремленія полновластно еще господствующаго въ Польшѣ стараго режима углубить пропасть между Польшей и Россіей. А отъ такихъ стремленій до сихъ поръ онъ не отрѣшился ни на одинъ мигъ. Что получили поляки отъ царскихъ манифестовъ 12 декабря, 17 апрѣля и 17 октября?

Въ отвѣтъ на первый изъ нихъ Комитетъ Министровъ санкціонировалъ руссификаціонную общую систему, допустивъ лишь изъ нея нѣсколько ничтожныхъ и несущественныхъ отступленій, сообразно основной точкѣ зрѣнія на поляковъ, какъ на «инородцевъ», которыхъ «мѣстный» языкъ тамъ лишь можетъ быть терпимъ, гдѣ не мѣшаетъ господству русскаго. Разсчитывая, что поляки удовлетворятся этимъ, Комитетъ Министровъ вѣроятно полагалъ, что послѣ 40 лѣтъ денаціонализаціи осталась лишь жалкая тѣнь великаго народа, преемника тысячелѣтней славной исторіи и культуры,—народа, который питается литературой міровой цѣнности и значенія, котораго языкъ ни въ какомъ отношеніи не уступаетъ русскому, языкъ обработанный до совершенства, чудный по силѣ и гармоніи звука, настолько удовлетворяющій всѣмъ запросамъ мысли, изгибамъ чувства, настолько неотразимо притягивающій къ себѣ всякаго, случайно примкнувшаго съ семьѣ польскаго народа, что для мѣстныхъ даже нѣмцевъ, французовъ, становится родной святыней уже во второмъ поколѣніи, чему доказательствомъ хотя бы одинъ изъ величайшихъ польскихъ

поэтовъ и патріотовъ, сынъ нѣмца и француженки, Викентій Поль, авторъ знаменитой «Пѣсни о землѣ нашей», участникъ и пѣвецъ возстанія 1831 года. Между тѣмъ этотъ народъ, сжатый въ желѣзные тиски застѣнка, ушедшій весь въ себя, одухотворенный страданіемъ, горѣлъ, какъ никогда раньше, святымъ молитвеннымъ огнемъ къ той «убитой своей матери, любовнаго взора которой никогда не видѣлъ надъ колыбелью сыновъ своихъ». Безсильный порвать тѣлесныя узы и путы, онъ властною силою духа отклонилъ руку Россіи съ мечемъ, занесеннымъ надъ его самобытнымъ вкладомъ въ сокровищницу славянской цивилизаціи, и тѣмъ не далъ довершить величайшей измѣны славянскаго государства славянству. Будущія русскія поколѣнія благословлять будутъ ту духовную мощь Польши, которая остановила ихъ отцовъ на пути къ Каинову преступленію.

Послѣ манифеста 12 декабря послѣдовалъ манифестъ 17 апрѣля. Онъ даровалъ Россіи свободу совѣсти, но мѣстная власть не допустила, чтобы онъ даровалъ ее намъ. Въ газеткѣ, издаваемой для польскаго крестьянства при канцеляріи варшавскаго генералъ-губернатора, находимъ такого содержанія сообщеніе: «Хотя манифестъ 17 апрѣля и опубликованъ въ «Собраніи узаконеній», но для каждой изъ губерній Царства Польскаго онъ получаетъ силу закона съ того лишь момента, когда будетъ опубликованъ въ мѣстныхъ «Губернскихъ вѣдомостяхъ». Православное духовенство западныхъ губерній недавно обратилось въ министерство внутреннихъ дѣлъ, требуя разъясненія полицейскимъ властямъ, что они обязаны содѣйствовать православнымъ духовнымъ при отбираніи ими силою дѣтей тѣхъ семействъ отъ смѣ-

шанныхъ браковъ, которые не даютъ гарантіи, что будутъ воспитывать дѣтей въ духѣ православія. До настоящаго дня даже петербургскій окружной судъ при усыновленіи дѣтей, рожденныхъ до брака, если одинъ изъ родителей католикъ, требуетъ отъ него формальнаго обязательства, что будетъ воспитывать дѣтей въ духѣ православія. Можетъ ли быть большее глумленіе надъ свободою совѣсти, послѣ узаконенія ея, чѣмъ это вторженіе въ семью? Можетъ ли величайшій врагъ православія наносить ему такіе неизгладимые нравственные удары, какіе наноситъ оно себѣ своими же руками?..

30 октября новаго стиля всѣмъ намъ новый манифестъ обѣщалъ рядъ драгоцѣннѣйшихъ гражданскихъ свободъ. 30 октября стараго стиля правительство выключило изъ пользованія ими поляковъ, какъ лелѣющихъ «мятежные замыслы».

Неблаговидная мистификація русскаго общества да ляжетъ всецѣло на совѣсть мистификаторовъ. Возможно, что десять генераловъ и сотня полковниковъ, съ диктаторскими полномочіями военнаго положенія, водворятъ въ Царствѣ Польскомъ все, что имъ угодно, и наложатъ печать молчанія на все, что имъ не угодно. Но что дальше? Что̀ дальше не съ моей точки зрѣнія, которая говоритъ прямо, что они отторгаютъ Польшу отъ Россіи, а съ ихъ узкаго, уткнувшагося въ мертвый тупикъ угла зрѣнія, видящаго во внѣшнихъ признакахъ рабства и молчанія и физической беззащитности государственное единеніе? Не то ли проводилось неукоснительно 43 года? Теперь уже посѣдѣли мужья польскаго народа, которымъ отъ школьной скамьи прилегала къ устамъ эта печать молчанія. Срослась ли она съ ними, забыли ли они го-

лосъ матери своей родины? Наоборотъ, не прозвучалъ ли теперь этотъ голосъ сильнѣе, жизненнѣе, всенароднѣе, чѣмъ когда-либо?

Открою тайну, отчего кровавый миражъ заслонилъ глаза русскимъ властямъ въ Варшавѣ. Въ двухсотъ-тысячной варшавской манифестаціи въ одно мгновеніе воскресло въ своей непобѣдимости все то, надъ извращеніемъ, надъ уничтоженіемъ чего работали два поколѣнія «истинно-русскихъ людей». Прозвучалъ вѣчевой польскій колоколъ единенія и любви, и оказалось, что какъ было встарь, какъ будетъ и завтра, и во вѣки вѣковъ, его сердце неотторжимо отъ сердца польскаго народа. Какъ хрупкія щепки въ одинъ мигъ, безъ видимыхъ усилій, низпали всѣ тѣ путы, надъ которыми съ такимъ тщаніемъ, съ такой математической точностью разсчета трудились тысячи, десятки тысячъ обрусителей.

Согласно ли русское правительство или русскій народъ дать полякамъ автономію—это особый вопросъ, но можно ли сомнѣваться было, что при существованіи не только настоящей конституціи, но и всякаго подобія ея, поляки будутъ требовать автономію неустанно, упорно, usque ad finem, считая это не только своимъ законнымъ правомъ, но и своей священной обязанностью? Кому какое право дали поляки расчитывать, что они примирились съ тюрьмою и добровольно отказываются выйти изъ нея? Правительство какъ будто не прочь открыть полякамъ двери тюрьмы, не прочь одарить насъ свободами, но съ условіемъ, чтобы мы ими не пользовались. А пока—на всякій случай—двери опять захлопнуты и приставлена военная стража.

II.

Сознаюсь, что съ нехорошимъ чувствомъ читаю и слышу угрозы по адресу поляковъ, что, молъ, лучше отдадимъ васъ нѣмцамъ, чѣмъ согласимся на вашу автономію. Нѣкто даже заявилъ мнѣ, что предпочитаетъ дать полную самостоятельность Польшѣ, словомъ отпустить поляковъ на всѣ четыре стороны. Прежде всего расчеты на то, что поляки испугаются нѣмцевъ или самостоятельности и ради этого откажутся отъ автономіи, просто наивны. Затѣмъ: скажите, сознаете ли вы, какими глазами вы заставляете смотрѣть на себя, слушающаго ваши признанія? Какъ? Неужели вы по своему духу такіе ненавистники свободнаго государственнаго строя жизни, что не выносите даже сосѣдства его подъ одной государственной кровлей? Вы-ли дерзаете говорить отъ имени молодого русскаго народа, орлинымъ, широкимъ взмахомъ крыльевъ рвущагося изъ той мрачной тины, гдѣ вы гніете, увлекая къ гнили и разложенію все кругомъ?

Вы не прочь поораторствовать о свободѣ, лукаво распинаться въ любви къ ней, но лишь только подходитъ къ тому, чтобы сдѣлать шагъ, отдѣляющій слово отъ дѣла, вы ужасаетесь, отмахиваетесь руками и ногами: «нѣтъ! это немыслимо!.. порвать цѣпи, приковывающія Польшу

къ Россіи?.. никогда!.. это единственная, естественная связь!» Не стоило бы жить на свѣтѣ, и міръ нашъ давно утопалъ бы въ адскомъ хаосѣ, если бы единственной связуемостью его созидательныхъ элементовъ были цѣпи.

Что вы предпочтете польской автономіи даже отдачу поляковъ нѣмцамъ, даже отпускъ ихъ съ миромъ, куда глаза глядятъ, этому если кто-либо изъ насъ и повѣритъ, то—какъ я говорилъ—не испугается. Къ независимости политической поляки въ данный моментъ не стремятся, такъ какъ независимая Польша, составляющая пятнадцатую часть прежняго польскаго государства, зависѣла бы отъ прихоти каждаго изъ своихъ сосѣдей. Но получи поляки эту независимость въ видѣ неожиданнаго добровольнаго подарка, что имъ помѣшаетъ войти въ тѣсныя вассальныя отношенія и заручиться охраной того изъ сосѣдей, чьи условія окажутся наиболѣе выгодными? Наконецъ, независимость, въ какихъ бы то ни было условіяхъ, слишкомъ заманчива, чтобы отъ нея отмахиваться. Разстаться съ нею всегда успѣешь.

Я бы, впрочемъ, не говорилъ объ этихъ очевидныхъ пустякахъ, если бы не считалъ нелишнимъ предупредить наивное запугиванье поляковъ независимостью, чему самъ былъ свидѣтелемъ. Васъ коробитъ, что поляки не стремятся къ независимости не изъ-за любви къ вамъ, а изъ-за простого расчета. Дайте время вылиться обновленной Россіи въ такія нравственно-мощныя и притягательныя формы, чтобы подъ эту связь былъ подведенъ и иной, болѣе прочный фундаментъ. А пока—приходится удовлетвориться и расчетомъ: насильно милъ не будешь.

Перехожу къ нѣмецкому пугалу. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь отношенія официальной Германіи къ полякамъ отвратительны, да и круги нѣмецкаго, чуждаго германизаціонныхъ замысловъ общества, гораздо апатичнѣе къ гнету поляковъ, чѣмъ соотвѣтственные круги русскаго общества.

Но такое направленіе имѣетъ за собою не Богъ вѣсть какую давность, и поляки еще помнятъ тѣ дни, когда нѣмцы бунтовали въ Берлинѣ ради освобожденія польскихъ политическихъ узниковъ, въ томъ числѣ знаменитаго Мѣрославскаго, и освобожденныхъ обносили, какъ тріумфаторовъ, по улицамъ своей столицы.

Несмотря на то, что за послѣдніе годы нѣмцы по отношенію къ полякамъ примѣнили все, что съ величайшей натяжной и даже съ явнымъ обходомъ довольно ограниченной ихъ конституціи можно было примѣнить, и понынѣ сохраняется тамъ и свобода обмѣна земельной собственности, и много другихъ конституціонныхъ свободъ, которыя въ Россіи, для поляковъ до настоящаго момента недостижимы—и когда будутъ достижимы, Богъ вѣсть. Только благодаря этимъ свободамъ является возможной закономѣрная и далеко не безрезультатная борьба съ германизаціей, является возможнымъ пробуждать и пріобщать къ польскому народу населеніе Силезіи, уже нѣсколько сотъ лѣтъ подвластное Германіи, сплошь казавшееся онѣмеченнымъ и только въ послѣднія десятилѣтія возвращающееся къ сознанію своего племеннаго единства съ поляками. Наиболѣе ярые германизаторы не дерзаютъ на насиліе надъ человѣческой совѣстью въ ея національномъ самоопредѣленіи. Кто могъ бы утверждать не колеблясь, что нѣмецкій народъ рѣшился

бы примѣнить къ сердцу Польши, Царству Польскому, ту же германизаціонную политику, какую онъ примѣняетъ къ областямъ, которыя, хотя и съ натяжкой, считаетъ достояніемъ недѣлимой Германіи, какъ Россія своимъ достояніемъ Литву и пр.?.. Да и какая иллюзія, что настоящая нѣмецкая политика олицетворяетъ неизмѣнную навсегда волю нѣмецкаго народа, того самаго народа, который въ Австріи доказываетъ умѣнье быть и свободолюбивымъ и терпимымъ по отношенію къ другимъ. Что для народа Канта и Гегеля, Гете и Шиллера не является окончательнымъ идеаломъ юнкерская куртка и бисмарковское преимущество силы надъ закономъ, доказываютъ и три милліона голосовъ соціалъ-демократіи, и далеко не слабый католическій центръ—и многое другое. Нѣмцы справляютъ медовые годы своего объединенія и упоенія его матеріальной силой, но реакція противъ милитаризма неизбѣжна.

Сообщу сенсаціонную новость. Этотъ мнимый гегемонъ Европы, собственную самоувѣренность въ могуществѣ внушившій почти гипнотически своимъ сосѣдамъ, представляетъ изъ себя въ настоящій моментъ такого же колосса на глиняныхъ ногахъ, какой изображала, пока ее не тронули, Россія. Уже походы нѣмцевъ на африканскихъ дикарей намекаютъ слегка на это.—Тамъ, гдѣ матерія стала господствовать надъ духомъ, первый напоръ духовной энергіи ее сломаетъ. Нѣмцы не только практичны, но и умны, и если случайная извнѣ катастрофа не надломитъ ихъ колосса, то они не допустятъ, чтобы онъ грохнулся съ шумомъ и трескомъ; у нихъ хватитъ духовныхъ силъ и умѣнья замѣнить глиняныя ноги чѣмъ-либо болѣе прочнымъ и жизнеспособнымъ.

Но въ данное время Германія, если бы и вздумала вмѣшиваться во внутреннія дѣла сосѣдей, что впрочемъ неправда, далеко не такъ всесильна, какъ воображаемъ. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія войска, казалось, совершенно ослабленной революціей Франціи побѣдоносно прошлись по всей Европѣ, между прочимъ сокрушивъ легко и милитарное могущество, созданное Фридрихомъ Великимъ. Я не допускаю мысли о подобной прогулкѣ русскихъ войскъ, я не желаю ужасовъ войны ни нѣмецкому, ни какому-либо другому народу, но я увѣренъ, какъ то, что солнце свѣтитъ,—что если бы поляки въ защитѣ Россіи увидѣли защиту своей родины, то соединеннымъ, одухотвореннымъ силамъ молодой Россіи и Польши вся Европа не могла бы противопоставить ничего равноцѣннаго.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ во-первыхъ то, что хотя поляки считаютъ наиболѣе естественнымъ для себя государственное сожительство не съ кѣмъ-либо другимъ, а именно съ Россіей, то однако обманываются тѣ, которые на запугиваніе поляковъ Германіей возлагаютъ какія-то надежды. Во-вторыхъ слѣдуетъ то, что не въ порабощеніи поляковъ, а въ единеніи съ ними та сила, которой Россія лишилась и которая ей необходима. Наконецъ слѣдуетъ и то, что нѣмецкій народъ великъ и могучъ не въ тѣхъ проявленіяхъ своего могущества, которыя насъ нынѣ смущаютъ, а въ тѣхъ, которыми онъ завоевалъ уваженіе міра и которыя менѣе всего мѣшать могутъ внутренней жизни сосѣдей.

Кстати разсѣю и еще одно недоразумѣніе изъ области русско-нѣмецкихъ отношеній, глубоко убѣжденный, что только полная искренность, выкладываніе на чистоту

всего, что знаемъ и чувствуемъ, можетъ быть той путеводной нитью, основой того созиданія, которое въ силахъ вывести насъ изъ современнаго хаоса, постепенно разсѣивая туманъ завѣдомыхъ и незавѣдомыхъ фикцій и ставя намъ на его мѣсто отчетливыя перспективы дѣйствительности.

Въ Россіи приняли за чистую монету крикъ и шумъ, который подняли поляки по поводу Вржесни; въ Россіи, читая то и дѣло въ твореніяхъ знаменитѣйшихъ польскихъ писателей изображеніе насилій нѣмцевъ надъ поляками, воображаютъ Богъ не вѣсть о какой ненависти поляковъ къ нѣмцамъ. Между тѣмъ все это фикція, созданная цензурными условіями, но въ которой польскій читатель отдаетъ себѣ совершенно ясный отчетъ. Польскій читатель, читая о Вржеснѣ зналъ, что это лишь собирательное слово, въ нѣкоторомъ родѣ символъ, что таже Вржесня въ миніатюрѣ существуетъ въ каждой гимназіи, въ каждой школѣ Царства Польскаго. Сенкевичъ недавно заявилъ публично, что его очерки нѣмецкой школы были въ дѣйствительности изображеніемъ русской школы, о чемъ впрочемъ всѣ польскіе читатели хорошо знали. То же самое можно бы отмѣтить въ сотнѣ другихъ случаевъ. Цензура не позволяла изображать русской дѣйствительности, но позволяла нѣмецкую, и газеты подъ видомъ нѣмецкаго гнета говорили своимъ читателямъ о русскомъ гнетѣ.

Польско-нѣмецкія отношенія дѣйствительно сильно обострились за послѣдніе годы. И все-таки поляки сознаютъ, что наиболѣе тяжелые удары польскому народу наносили до сихъ поръ не нѣмцы, а русскіе хозяева сердца Польши.

III.

Полно, господа «патріоты», морочить себя и другихъ, выдвигая принципъ недѣлимости государства и объединенія съ нимъ окраинъ. Развѣ не очевидно, что никакого объединенія нѣтъ въ поминѣ, что между Россіей и каждой изъ ея окраинъ глубокая пропасть, которую вы же сами образовали. Насиліемъ надъ чужой совѣстью, надъ правомъ, которое христіанство дало даже рабу: быть хозяиномъ духовнаго уклада своего жилища, вы отторгли отъ Россіи и тѣ полудикія племена, которыя въ другихъ условіяхъ сами стремились бы къ культурному объединенію съ нею. Что касается Польши, то по исторіи, по историческому возрасту, по языку, по культурѣ, стоя во всякомъ случаѣ не ниже Россіи, она ни при какихъ условіяхъ не войдетъ въ кругъ ея культурнаго вліянія. Но отчего бы ей не объединиться съ Русскимъ государствомъ на автономныхъ началахъ, коль скоро какъ независимая политическая единица она—какъ очевидно для всѣхъ—существовать въ настоящихъ условіяхъ не можетъ? Укажу единственный моментъ, когда Польша была хотя нѣсколько объединена съ Россіей. Это годы 1815—1825, когда независимое до того времени Царство Польское, съ обоюднаго согласія, вошло

въ составъ Русской имперіи, какъ равноправный и самостоятельный ея членъ. Это и были единственные годы, когда русское благо не расходилось съ нашимъ, польскимъ благомъ, и когда искреннее, глубокое руссофильское теченіе захватило всѣ слои польскаго общества. Прослѣдите современные мемуары, прослѣдите всю общественную и политическую дѣятельность поляковъ за тѣ годы, и то, что говорю, станетъ очевиднымъ. Тѣ наши патріоты, которые не разстались съ идеаломъ вчерашней независимой Польши, прямо ужасались тѣхъ стихійныхъ симпатій къ русскому народу, которыя охватили тогда все польское общество. Литературы, враждебной Россіи, почти не существовало, а представитель самаго глубокаго и чистаго польскаго патріотизма, Адамъ Мицкевичъ, ходатайствовалъ въ Москвѣ разрѣшить ему изданіе польскаго журнала, спеціально посвященнаго ознакомленію поляковъ съ русской литературой и жизнью.

Это были первые годы царствованія Николая I, когда настроеніе къ полякамъ измѣнилось, и Мицкевичу, какъ политически неблагонадежному, отказали. Уже спустя нѣсколько лѣтъ, когда взаимныя отношенія окончательно испортились, поступокъ Мицкевича сталъ казаться полякамъ антипатріотичнымъ и біографы поэта неохотно объ этомъ фактѣ изъ его жизни упоминаютъ. Да и у него самого, заодно съ народомъ, чувства къ Россіи уже были не тѣ. Если бы въ восьмидесятыхъ годахъ, во время режима Гурки, когда съ извѣстной точки зрѣнія Польша наиболѣе крѣпко объединена была съ Россіей, если бы въ эти годы жалкій репортеръ вздумалъ издавать подобный журналъ, онъ былъ бы преданъ анаѳемѣ. Доказательство: «Хвиля» Пржиборовскаго.

Кажется ясно, что скорѣе Польша была объединена съ Россіей тогда, когда шла съ ней рука объ руку, плечо къ плечу, чѣмъ тогда, когда ее стали припаивать къ Россіи административными проволоками и веревками репрессіи, сама же она, корчась отъ боли, сдѣлалась въ душѣ злѣйшимъ врагомъ Россіи. Николай I, съ пренебреженіемъ относясь и къ польской конституціи и вообще къ полякамъ, далъ рѣшающій толчекъ перемѣнѣ польско-русскихъ отношеній. Въ томъ же впрочемъ направленіи постепенно пошли отношенія русской государственности и къ другимъ окраинамъ. Въ результатѣ получилась бумажная цѣлостность, фактическая же полная разобщенность. И поэтому не обманывайте, господа, сами себя, оберегая то, чего нѣтъ. Предоставьте вашимъ дѣтямъ, поколѣнію молодой Россіи, возсоздать эту цѣлостность сызнова, на новыхъ началахъ. Хотя много дорогого времени упущено, но народы окраинъ чувствуютъ въ вашихъ дѣтяхъ духъ нелицемѣрной правды и любви и отвѣтятъ тѣмъ же. Отвѣтятъ тѣмъ же и потому, что дѣти ваши вступили на тотъ путь, гдѣ общерусское благо обновленной Россіи сливается съ благомъ каждой изъ ея народностей. Если вы перестанете злобно тыкать палкой въ колеса новой колесницы и тѣмъ замедлять ея ходъ, то она пойдетъ впередъ быстро и увѣренно, и многіе изъ васъ могутъ дождаться и увидѣть воочію, что такое представляетъ изъ себя не механическая, а духовная связуемость государства, гармоническое объединеніе всѣхъ его частей.

СМЕРТНЫЕ ГРѢХИ ПОЛЯКОВЪ.

Первый смертный грѣхъ, это конечно шляхетскій антидемократизмъ, особенно поражающій при сопоставленіи съ глубокой демократизаціей русскаго общества.

Не вдаваясь въ теоретическій споръ, заимствую прежде всего нѣсколько фактовъ и цифръ изъ брошюры Генриха Свѣнцицкаго «Аграрный вопросъ», ярко освѣщающихъ отношеніе поляковъ вообще и польскаго дворянства въ частности къ народу. Начнемъ съ прошлаго.

Въ то время, какъ въ Россіи указы строго запрещали крестьянину жаловаться на самоуправство барина и еще въ концѣ XVIII ст. жалобы наказывались кнутомъ и ссылкой въ Сибирь, въ земляхъ польскихъ и литовскихъ (Volumen legum VII, 600) проступки крестьянъ подлежали вѣдѣнію обыкновеннаго суда, а § 1 главы XII Литовскаго статута угрожалъ даже наказаніемъ смертью дворянину, который убилъ бы своего крестьянина. Вообще же въ крѣпостной зависимости состояло не болѣе 45 процентовъ польскихъ и литовскихъ крестьянъ; цѣлыя категоріи крестьянъ, такъ называемые рудники, голендры, королевскіе и пр., никогда въ подданствѣ не находились.

Насколько правовыя условія обезпечивали здѣсь благосостояніе крестьянъ, доказываютъ массовыя бѣгства русскихъ крестьянъ въ Литву, на что жаловался напр. посолъ Сиверсъ въ рапортахъ Екатеринѣ II.

Въ концѣ XVIII ст. подъ вліяніемъ освободительныхъ вѣяній много польскихъ магнатовъ раскрѣпостило добровольно своихъ подданныхъ. Одинъ кн. Станиславъ Понятовскій въ 1776 г. перевелъ въ условія чиншевиковъ 40,000 душъ.

Конституція 3 мая, особенно по тому времени, была проникнута широкимъ демократизмомъ. Четвертый параграфъ конституціи говорилъ, что «всякій человѣкъ, ступившій ногою на земли Рѣчи Посполитой имѣетъ быть совершенно свободнымъ». Кстати замѣчу, что § 25 той-же конституціи устанавливалъ обязательность школьнаго обученія, т. е. то, что до сихъ поръ не введено закономъ въ Россіи.

Раздѣлы Польши очевидно помѣшали осуществить конституцію, но ея духомъ проникнута вся послѣдующая культурная дѣятельность польскаго народа, изъ ея духа восходитъ его возрожденіе; этотъ духъ, какъ неугасаемый пламень народной святыни, живъ въ Польшѣ и понынѣ. Уже въ 1817 г. шляхетскіе съѣзды въ Вильнѣ и др. городахъ требуютъ крестьянской реформы. Результатъ: запрещеніе поднимать этого рода вопросы. Въ 1830 г. образуется въ Варшавѣ «общество народниковъ (друзей крестьянъ)».

Въ 1843 г. изъ Литвы опять восходитъ къ престолу ходатайство объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Результатъ тотъ-же. Только въ 1857 г. Александръ II принялъ милостиво адресъ ковенской

шляхты, требующей освобожденія крестьянъ, въ сентябрѣ же 1858 г. въ Вильнѣ, обращаясь къ литовско-польской шляхтѣ, Императоръ произнесъ: «Благодарю васъ за участіе въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ. Вы первые дали примѣръ».

22 января 1863 г. одновременно съ прокламаціей о возстаніи отъ имени поляковъ извѣщалось, что передаются въ собственность крестьянъ всѣ тѣ строенія и земли, которыми они пользовались. Необходимость отдачи крестьянамъ безъ выкупа всей земли, находящейся въ ихъ пользованіи, Милютинъ мотивируетъ въ своей «Запискѣ» именно тѣмъ, что «мятежникамъ удалось осуществить часть своихъ обѣщаній». (Dziennik Wilenski. 1907, № 5). Корниловъ, въ «Очеркахъ по исторіи движенія крестьянскаго дѣла» (Петербургъ, 1905, стр. 395) удостовѣряетъ вліяніе постановленій и циркуляровъ «Народоваго Ржонда» на устройство быта крестьянъ въ Польшѣ на льготныхъ условіяхъ, «такъ какъ необходимо было считаться съ фактами, уже осуществленными».

Вообще же удостовѣряю, что глубокое демократическое теченіе охватило Польшу съ самаго начала XIX ст., и напр. уже сто лѣтъ назадъ уничтожены въ Царствѣ Польскомъ сословія, съ тѣхъ поръ юридически не возстановляемыя, а также освобождены крестьяне отъ тѣхъ формъ крѣпостной зависимости, которыя въ Россіи дѣлали ихъ именно «подданными» своихъ помѣщиковъ.

Насколько демократическое движеніе въ пользу крестьянъ ширилось и за предѣлы Царства Польскаго на всѣ земли, гдѣ господствовало польское дворянство, доказываетъ величайшій и типичнѣйшій эпосъ польско-литовской жизни: «Панъ Тадеушъ» Мицкевича, относя-

щійся къ 1810—1812 г.г., заключительная сцена котораго изображаетъ именно раскрѣпощеніе помѣщикомъ своихъ крестьянъ. Въ этомъ величайшемъ своемъ произведеніи Мицкевичъ вездѣ оставался безпристрастнымъ эпикомъ, не сходилъ съ почвы дѣйствительности и указанная сцена не выдумка. Раскрѣпощенія крестьянъ составляли понятно тогда исключенія, но исключенія привѣтствуемыя польской интеллигенціей—и въ общемъ не мало гуманныхъ польскихъ дворянъ одарило свободой своихъ крестьянъ задолго до ихъ офиціальнаго раскрѣпощенія. Когда въ началѣ шестидесятыхъ годовъ одно изъ дворянскихъ собраній въ Литвѣ, въ своихъ постановленіяхъ, пошло въ разрѣзъ съ общимъ освободительнымъ теченіемъ, то популярнѣйшій въ во время польскій поэтъ Сырокомля не поколебался заявить въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи, что это «позоръ и что ему стыдно, что и онъ принадлежитъ къ тому же дворянству». И это бичующее, клеймящее стихотвореніе не только не убавило, но усилило популярность поэта. Ни на однпъ день на протяженіи свыше ста лѣтъ не замирало въ польской литературѣ, въ національной работѣ польской интеллигенціи стремленіе «идти съ народомъ и работать для народа».

Не характерно ли наконецъ, что единственный русскій поэтъ, у котораго струя народолюбія звучитъ особенно глубоко, ярко и искренно, Некрасовъ—сынъ польки? И удивительно-ли послѣ этого, что польскій крестьянинъ сознательно и рѣшительно внялъ голосу объединенія, что онъ отвергъ въ Думѣ самую мысль сословной розни въ средѣ польскаго народа. Если націоналъ-демократамъ стоило лишь пойти въ народъ, чтобы этотъ народъ скло-

нить на свою сторону, то это потому, что цѣлый рядъ поколѣній подготовилъ почву для такого объединенія, что въ своемъ дворянствѣ, въ своей интеллигенціи, польскій народъ видѣлъ борцовъ за то же, что и для него наиболѣе свято, чувствовалъ, что во имя общенароднаго блага дворянство и интеллигенція не остановятся ни передъ какими матеріальными жертвами. Какимъ непониманіемъ поляковъ—замѣчу между прочимъ—звучитъ запугиваніе ихъ матеріальными потерями, въ родѣ напр. проведенія таможенной границы. Польша сознательно, нѣсколько разъ въ теченіи прошлаго столѣтія, начиная съ эпохи наполеоновыхъ войнъ, разорялась почти до тла во имя удержанія національнаго духовнаго своего богатства, и для насъ недопустимо даже сопоставленіе такихъ понятій, какъ автономія и таможенная граница. Очевидно, здорово живешь разоряться глупо, и коль скоро нѣтъ никакихъ основаній проводить таможенную черту, коль скоро это было бы по отношенію къ намъ несправедливо, то приложимъ старанія, чтобы и эта несправедливость, какъ всякая другая, насъ миновала. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы насъ не возмущало само предположеніе, будто мы въ состояніи хотя на одинъ день отказаться отъ правъ на національныя свободы за чечевичную похлебку таможенныхъ выгодъ. Угрозу насчетъ таможни адресуйте евреямъ, нѣмецкимъ промышленникамъ Царства Польскаго, быть можетъ тамъ найдете почву для ея воспріятія, — въ польскомъ обществѣ безусловно—нѣтъ.

И такъ, даже начавъ объ антидемократизмѣ, пришлось незамѣтно уклониться въ сторону автономіи и національ-

ныхъ правъ. Таковъ складъ польской психики и таковы, увы, условія польской дѣйствительности.—Продолжаю.

Второй смертный грѣхъ поляковъ—консерватизмъ.

Мое мнѣніе, что польскій консерватизмъ потому доминируетъ въ Польшѣ, потому такъ живучъ и пріемлемъ народной массой, что онъ либеральнѣе русскаго либерализма. Напр., какъ теперь очевидно, русскіе либералы и особенно націоналъ-либералы примирились бы съ такой обрѣзкой и извращеніемъ политическихъ свободъ, съ какою польскіе просвѣщенные консерваторы (выключаю ничтожную группу ретроградовъ) никогда не примирятся. Что касается соціальныхъ утопій, аграрнаго передѣла,—то докажите польскому патріоту-консерватору, что это будетъ на благо народа, онъ и это тутъ-же приметъ и распишется обѣими руками. Но вѣдь всякій, не потерявшій умственнаго равновѣсія, видитъ, что ничего подобнаго не доказано. Я напр. думаю, что если бы ради осуществленія бумажнаго соціалистическаго рая, пришлось народу пройти сквозь потоки крови, то, достигнувъ этого рая, онъ не задумался бы пролить море крови, лишь бы вернуться къ старому: къ укладу выработанному не отвлеченнымъ умствованіемъ, а жизнью. Но суть впрочемъ не въ томъ, что я или вы думаете, тѣмъ болѣе, что запускаться въ дебри аграрнаго вопроса здѣсь нѣтъ мѣста. Суть въ томъ, что соціальныя реформы, даже безусловно необходимыя, безусловно насущныя, провести можно только на почвѣ совершившейся политической эмансипаціи отъ бюрократическаго, самовластнаго строя. И поэтому положеніе, занятое польскимъ представительствомъ въ Думѣ, ставящимъ аграрныя реформы на почвѣ автономной Польши, равноправной Литвы, Бѣлой и Ма-

лой Руси,—глубоко правильно и такое же положенiе должны занять и русскiя народныя группы, поскольку не выдвигаютъ аграрнаго вопроса въ цѣляхъ агитацiонныхъ, въ видѣ боевого прiема, а ставили бы его на реальную почву. Въ первую очередь осуществленiе политическихъ свободъ—таковъ долженъ быть лозунгъ всякаго, кто искренно стремится и къ соцiальнымъ реформамъ. Въ современномъ угарномъ воздухѣ, пропитанномъ взаимной злобой и запахомъ крови, въ современной боевой атмосферѣ, утрачивается ясное сознанiе даже въ лагерѣ искреннихъ друзей народа, гдѣ, въ ихъ соцiальныхъ платформахъ, кончается благо народа, а начинается, маскированная флагомъ этого блага, цѣль нанести возможно сильнѣе ударъ разрушаемому зданiю. Менѣе всего въ состоянiи въ этомъ разобраться политически еще почти безграмотный народъ. Между тѣмъ вѣдь онъ именно предназначенъ служить начинкой боевого снаряда. Польское консервативное народолюбiе настолько чутко, что всегда остановится во время передъ вовлеченiемъ себя въ соучастiе съ такими прiемами.

Если поляки не подписали выборгскаго воззванiя, то очевидно не потому, что хотѣли остаться лойяльными, а потому, что сознавали свою отвѣтственность передъ народомъ за послѣдствiя. Польскiй народъ настолько подчиненъ народнымъ вождямъ своимъ, что исполнилъ-бы все, что они потребовали бы. Русское воззванiе — не платить податей, не давать рекрутъ—раздалось безъ эха въ пустомъ пространствѣ, оказалось мыльнымъ пузыремъ. Польское такое-же воззванiе польскiй народъ пытался-бы исполнить буквально, что несомнѣнно власть подавила бы потоками польской крови. И только ослѣп-

ленный фанатикъ кровавой анархіи можетъ упрекать поляковъ, что они остановились передъ безцѣльной гекатомбой, начинкой снарядовъ анархіи польскимъ народнымъ мясомъ.

Мы тоже ведемъ агитацію, мы тоже пробудили народъ не только къ національному, но и политическому самосознанію. Но мы ни одного волоса народнаго не бросимъ на пожраніе Молоху анархіи. Руссификація въ теченіи 75 лѣтъ культивировала у насъ анархію, разрушеніе нашего національнаго и культурнаго быта. И мы не могли этому не противупоставить именно лозунгъ консерваторства, бережнаго храненія и сохраненія своего достоянія отъ погрома. Слѣдовательно, историческая неизбѣжность въ томъ, что всѣ польскія созидающія силы объединились не подъ флагомъ международнаго либерализма, а именно подъ флагомъ національнаго консерватизма. Но они отъ этого не стали, не могутъ стать въ одинъ уровень и даже не могутъ имѣть ничего общаго съ русскимъ реакціоннымъ консерватизмомъ.

Третій смертный грѣхъ поляковъ—національмъ. Но любопытно какимъ образомъ мы бы уцѣлѣли, лишившись политической самостоятельности, и отказываясь отъ націонализма. Допуская даже, что ни одному народу въ Европѣ не нуженъ націонализмъ, слѣдуетъ согласиться, что въ настоящихъ условіяхъ нашей жизни, онъ намъ, полякамъ, необходимъ, такъ какъ мы единственный народъ въ Европѣ, обладающій міровой исторіей, культурой, письменностью, слѣдовательно всѣми элементами жизнеспособности, и лишенный возможности нормально жить. Когда временно парализована та или другая функція народной жизни, инстинктъ самосохраненія

утончаетъ, расширяетъ другія, приспособляетъ ихъ къ возможной замѣнѣ парализованныхъ. Такъ напр. утончается слухъ и осязаніе того, кому на болѣе продолжительное время завязаны глаза. Коль скоро онъ сознаетъ, что въ состояніи раньше или позже вернуть зрѣніе, то при помощи родственныхъ чувствъ, работой мозга, воображенія, заполняетъ тотъ мракъ, ту пустоту, въ которую временно погруженъ.

Это предохраняетъ его отъ перелома жизни на двѣ несвязуемыя части, отъ ужаса того состоянія, когда, прозрѣвъ, онъ почувствовалъ бы себя духовно отрѣзаннымъ и чужимъ тому міру, въ какомъ жилъ до закрытія глазъ. Параллель можетъ быть неточная, но рельефная.

Такимъ образомъ націонализмъ связуетъ прошлое съ будущимъ и до момента прозрѣнія—до полученія полной автономіи—онъ лишь одинъ можетъ полновластно господствовать въ Польшѣ. Въ автономной Польшѣ, если не сразу, то постепенно партіи распредѣлились бы вѣроятно по маштабу другому, по маштабу соціальныхъ воззрѣній; теперь же названія такихъ партій для насъ безсодержательный звукъ; на дѣлѣ существуютъ въ Польшѣ только націоналисты—весь польскій народъ—и космополиты,—его муть.

Но польскій націонализмъ, выстраданный и одухотворенный страданіемъ, не имѣетъ ничего общаго съ хищнымъ реакціоннымъ націонализмомъ. Поляка, который вздумалъ бы тамъ, гдѣ онъ хозяйничаетъ, запрещать русскому говорить съ русскимъ по-русски, отправили бы свои же въ сумашедшій домъ. Ни одному поляку не придетъ на умъ запретить хотя бы въ Варшавѣ, въ Краковѣ, устраивать за свои деньги какія угодно

школы на какомъ угодно языкѣ, заставлять обязательно учиться польскому языку, подводить пропаганду какой-либо вѣры подъ уставъ о наказаніяхъ.

Восточную Галицію поляки покрыли сѣтью русинскихъ школъ, въ львовскомъ университетѣ поляки допускаютъ больше русинскихъ кафедръ, чѣмъ существуетъ здѣсь серьезныхъ на этомъ языкѣ научныхъ силъ. Вообще мы больше ничего бы не желали, для насъ до сихъ поръ составляетъ недосягаемый идеалъ установить такія взаимоотношенія въ Литвѣ, на Бѣлой и Малой Руси, какія мы установили въ Галиціи.

Все это легко подтвердить фактами и цифрами. Горе въ томъ, что польская и русинская культура несоизмѣримы и при равныхъ правахъ всегда одерживаетъ верхъ при культурномъ соревнованіи первая. Это вызываетъ вражду, требованіе убираться намъ вонъ изъ той восточной Галиціи, гдѣ нашей культурѣ 500 лѣтъ возраста и гдѣ мѣстами осѣдлый польскій элементъ достигаетъ 30%. Очевидно, такого отступничества передъ интересами родины мы совершить не можемъ и не совершимъ. Вызываемые на ярую борьбу, мы никакими привиллегіями не ограждаемъ себя, наоборотъ—случается, беретъ верхъ чистый сантиментализмъ и польскія власти удовлетворяютъ не разъ требованія русиновъ, явно преувеличенныя и явно суживающія естественныя права поляковъ. Не мы виноваты, что въ этой области русское общественное мнѣніе фальсифицировано. Повторяю—устройте насъ въ Литвѣ и на Руси такъ, какъ мы устроили русиновъ въ Галиціи, и мы будемъ считать себя вполнѣ удовлетворенными.

Четвертый смертный грѣхъ поляковъ—антисемитизмъ. Дикое недоразумѣніе.

На первой же страницѣ «Jus polonicum» (Bandtkie) находимъ привиллегію евреямъ, данную Болеславомъ Благочестивымъ въ 1265 году. «Сущность этой привиллегіи удостовѣряетъ, что въ то время какъ во всей Европѣ евреи подвергались сильнымъ гоненьямъ, въ Польшѣ они уже пользовались пріютомъ и широкимъ гостепріимствомъ, что продолжается понынѣ. Въ 1862 г. Велепольскій въ первую голову поспѣшилъ дать равноправіе евреямъ. Въ настоящее время, насколько отъ насъ зависитъ, они въ Царствѣ Польскомъ ничѣмъ не стѣснены, и несмотря на очевидность экономическаго еврейскаго гнета, ни одного польскаго голоса противъ ихъ равноправія не слышно.

Въ благодарность за все это они измѣнили намъ въ Вел. кн. Познанскомъ, въ Галиціи, въ Литвѣ, становясь на сторону германизаціи и руссификаціи; они широко пропагандируютъ космополитизмъ и все, что можетъ служить къ разложенію польскаго общества въ Царствѣ Польскомъ, а въ добавокъ захватили привиллегію освѣщать наши дѣла въ прогрессивной русской прессѣ подъ своимъ угломъ зрѣнія, извращая духъ и смыслъ національной нашей работы.

И оказывается, что если мы дерзнемъ вымолвить противъ всего этого слово, вступить въ полемику, упрекнуть еврея въ чемъ-либо—мы антисемиты. Удивительная логика. Насъ евреи могутъ обливать помоями, могутъ будоражить въ нашемъ домѣ и подкапываться подъ его устои, а мы обязаны молчать и даже улыбаться любезно.

Объяснима еще куртуазія русскихъ передъ евреями, разъ они чувствуютъ себя виноватыми передъ ними за лишеніе равноправія. Но у насъ, какъ я указалъ выше, такого и вообще никакихъ поводовъ для такой куртуазіи нѣтъ.

О грѣхѣ вражды къ русскому языку и литературѣ говорю въ статьѣ «Полемика» (II).

Другіе грѣхи, болѣе мелкаго калибра, рѣшаюсь оставить безъ вниманія.

Тѣмъ не менѣе самоувѣренныя рѣчи, произнесенныя русскими депутатами отъ Минской губ. въ концѣ марта, въ Думѣ, вынуждаютъ меня удостовѣрить на этомъ мѣстѣ, что русское общество такъ плохо освѣдомлено о польской дѣйствительности, что ему легко внушать самыя грубыя о ней заблужденія. О томъ напр., чтобы компетенція сейма автономной Польши простиралась за предѣлы губерній Царства Польскаго, ни одинъ полякъ никогда не писалъ, не говорилъ и едва-ли думалъ. Даже независимая Польша не посягала на самоуправленіе добровольно объединенной съ нею Литвы. Въ огражденіе отъ этого рода передержекъ остается развѣ предложить Польскому Колу» въ Думѣ, чтобы озаботилось изданіемъ «Словаря небылицъ, общеупотребительныхъ при обсужденіи польскагов опроса».

РАВНОПРАВІЕ—АВТОНОМІЯ.

Итакъ, польское non possumus, отъ котораго мы такъ же не вправѣ отступить ни на полшага, какъ не вправѣ были бы и русскіе, будь они на нашемъ мѣстѣ,—это равноправіе на всемъ протяженіи Имперіи, и автономія Царства Польскаго.

Если отсутствіе того и другого совмѣстимо было со старымъ режимомъ, то вѣдь онъ отходитъ въ безвозвратное прошлое. Утверждаю такъ конечно не въ томъ смыслѣ, что онъ не можетъ формально господствовать теперь или даже лѣтъ десять спустя, но въ томъ смыслѣ, что такое господство само по себѣ вызываетъ уже смуту, т. е. разстройство главнѣйшихъ функцій народной жизни, съ возможными временными промежутками отнюдь не успокоенія, а лишь тяжелой дремоты, т. е. упадка силъ, тихаго горѣнія внутри. Рѣшать, что восторжествуетъ такое стремленіе къ національному и государственному самоубійству преждевременно. И поэтому мы продолжаемъ стоять на почвѣ созиданія общаго будущаго.

Здѣсь-же, въ обновленіи Россіи, въ ея перестройкѣ—указанныя требованія возстановленія нашихъ естествен-

нымъ правъ это даже не фундаментъ, это элементарная настилка, на которой, и только на ней можно воздвигать новое зданіе—конституціонной государственности.

Какимъ напр. образомъ что либо изъ новой стройки могло бы устоять на почвѣ неравноправія—отказываюсь понимать, да въ сущности не понимаетъ никто и изъ тѣхъ, кто мечется изъ стороны въ сторону въ поискахъ за чудодѣйственнымъ средствомъ успокоенія и объединенія Россіи, обходя съ угрюмымъ упорствомъ равноправіе. А оно и есть то единственное искомое, котораго не подмѣнишь ничѣмъ. Даже такъ называемыя «умѣренныя»—правыя партіи не могли не сознать этой очевидности, выставивъ въ своихъ программахъ—равноправіе. Бѣда лишь въ томъ, что онѣ, преемственно приспособленные къ кругозору стараго режима, также какъ и онъ, не желаютъ видѣть различія между словомъ а дѣломъ, бумагой и жизнью, и полагаютъ, что Россія удовлетворится новымъ зданіемъ, декоративно выстроеннымъ изъ бумаги. На бумагѣ они намъ не прочь поднести равноправіе такъ близко къ глазамъ, чтобы наиболѣе близорукіе увидѣли; готовы даже отпечатать его выпуклыми буквами, чтобы могъ нащупать и слѣпой.

Но намъ важнѣе опредѣлить, на какое разстояніе они отодвигаютъ это равноправіе на самомъ дѣлѣ.

Произвести точнаго вычисленія я не въ состояніи, но опредѣляя разстояніе приблизительно, но шагомѣру, удостовѣряю, что во всякомъ случаѣ луна ближе къ землѣ, нежели ихъ равноправіе отстоитъ отъ насъ, неравноправныхъ поляковъ. Это буквально. Разстояніе отъ земли до луны можно бы не спѣша пройти въ десятокъ, другой лѣтъ.

Програмное же равноправіе умѣренно-правыхъ партій отодвигается на рядъ думскихъ пятилѣтій, въ порядкѣ постепенности, съ явнымъ упованіемъ на русское «авось». Авось въ какое-либо изъ этихъ пятилѣтій властно врѣжется въ политическую русскую жизнь черная реакція и весь пройденный равноправіемъ путь пойдетъ на смарку. Потомъ опять можно будетъ начинать сказку про бѣлаго бычка съизнова. Инородцы народъ не избалованный. Коль имъ дѣйствительность не сладка, успокоятся и на сказкѣ.

Для меня лично это кривляніе душою фарисеевъ конституціонализма—безцѣльно, потому что за версту его чувствуешь—до того возмущаетъ, что я предпочелъ бы имѣть дѣло съ Пуришкевичемъ или Крушеваномъ, которые къ какой бы цѣли ни шли, шаговъ своихъ не маскируютъ и идутъ прямо.

Господамъ же фарисеямъ я скажу также прямо.

Вы враги равноправія, какъ и автономіи, какъ и всякой самодѣятельности и децентрализаціи, во имя недѣлимости Россіи. Но вникните, какую окаменѣлую недѣлимость вы возводите въ культъ патріотизма. Вѣдь это недѣлимость сундука скряги, достигаемая цѣною отреченія отъ жизни. Недѣлимое золото въ сундукѣ ваше—несомнѣнно. Но на сколько болѣе вашей была бы та жизнь, на которую вы размѣняли бы золото—и каждый самостоятельный акордъ которой, созданный на выдѣленную отъ другихъ грудку золота, сливался бы съ другими акордами въ дѣйствительно недѣлимую, нерушимую симфонію вашей жизни. Это и есть объединеніе, это и есть живая цѣлостность, а не мертвечина, не окаменѣніе государственное. На какой иной почвѣ объединеніе мыслимо,

какъ не на почвѣ равноправія? Что есть недѣлимость безъ объединенія въ сознаніи общаго блага?

Вы говорите: Россія не можетъ умереть, она молода, она только просыпается къ жизни, передъ нею вся жизнь. Вѣрно. И какая славная, хорошая могла бы быть жизнь. Но, Бога ради, всякій народъ, вошедшій въ составъ имперіи, со своимъ домомъ, со своей землею—это не гость, это не блуждающій микробъ государственнаго организма, это его часть и сдавливая часть, вы разрушаете здоровье цѣлости. Или хотите превратить центръ въ самостоятельную гидру, высасывающую соки со всего, что охватила она своими щупальцами?—Незавидный удѣлъ, призрачная недѣлимость гидры съ жертвами, которыя можетъ не выпускать, но которыя объединить со своимъ тѣломъ не въ состояніи.

Передъ Россіей вся жизнь, но въ томъ лишь случаѣ, если дадите ей возможность въ самомъ дѣлѣ замѣнить на жизнь, а не лишь охранять недѣлимый сундукъ накопленнаго. Да, вы богаты, неимовѣрно богаты, но какъ вы относитесь къ своему богатству? Неужели несчастіе, зло, а не благодать, не гордость русской Имперіи міровая культура, міровая мысль, искусство Польши, ея общественность, ея національная дѣятельность, пульсирующая и набухающая всѣми соками жизни и здоровья? Можетъ ли быть сомнѣніе—проклинать это или благословлять? Можетъ ли быть сомнѣніе, какъ отвѣтить на широкій взмахъ крыльевъ родственнаго вамъ народа, неудержно метущихся изъ оковъ тюремныхъ, отъ тьмы нависшей?

Автономія?

Что можетъ уступить польскій языкъ изъ требованія, чтобы попеченіе о немъ всецѣло находилось въ родныхъ рукахъ, которые однѣ могутъ относиться къ нему любовно и бережно? Что можетъ уступить польскій домъ изъ требованія, чтобы хозяйство въ немъ было польское и пахло въ немъ польскимъ духомъ?

Это и есть автономія.

Для Россіи это миръ и объединеніе, а для славянской державы, какой Россія считаетъ себя, не только миръ и объединеніе.

Не желая впрочемъ повторяться о значеніи польской автономіи для Россіи, отсылаю читателя къ главѣ IV статьи «Немезиды» и къ главѣ III статьи «Ноябрь 1905 г.».

Въ заключеніе—хочу разсѣять еще одно лжетолкованіе.

Поляки явно непримиримы—говорятъ—потому что постепенно раздвигаютъ радіусъ своихъ требованій; нѣсколько лѣтъ назадъ они удовлетворились бы меньшимъ, чѣмъ требуютъ теперь. Утверждаю, что наши требованія съ 1815 года всегда одни и тѣ же. Это не политическая программа отдѣльныхъ лицъ, а естественныя и для всякаго знакомаго съ польской жизнью неотторжимыя требованія польскаго національнаго организма.

Нѣсколько лѣтъ назадъ не было никакой почвы и не могло быть серьезной рѣчи о нормировкѣ польско-русскихъ отношеній. Въ періодъ репрессіи приходилось брать, что даютъ, но это не означало примиренія съ чѣмъ бы то ни было. Съузить требованія ниже ихъ естественной нормы значитъ наоборотъ: быть непримиримымъ, не видѣть смысла выставлять русскимъ свою національную

программу. И наши націоналисты, пока оставались непримиримыми, не выставляли ее.

Выдвинута или нѣтъ программа автономіи—это только видимый признакъ: примиримо ли въ данный моментъ польское общество или непримиримо, или—что одно и тоже—вѣритъ ли оно или нѣтъ въ возможность созидательной государственной работы. И поэтому постановка на очередь вопроса о нашемъ равноправіи и автономіи должна бы быть симптомомъ желательнымъ для всякаго вдумчиваго государственнаго мужа.